

★ НИКТО, КРОМЕ НАС ★

СПЕЦНАЗ

Сергей ЗВЕРЕВ

ЗАКРЫТАЯ
ИНФОРМАЦИЯ

Святой

Сергей Зверев

Закрытая информация

«Научная книга»

Зверев С. И.

Закрытая информация / С. И. Зверев — «Научная книга»,
— (Святой)

Невидимый враг страшнее вдвойне. Это хорошо знает майор-спецназовец Дмитрий Рогожин по прозвищу Святой. За его плечами не одна серьезная операция в самых горячих точках, сотни боевых контактов с противником. Но сейчас ему предстоит задача несколько иная. Надо отыскать и наказать людей, которые подставили его родного брата, обвинив в двойном убийстве. Шаг за шагом продвигается майор по запутанному следу. Но настоящая схватка начнется тогда, когда он поймет, что стал пешкой в чьей-то дьявольски-хитроумной игре...

Содержание

Пролог	5
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Зверев

Закрытая информация

В прошлом году страна потребила 250 миллионов декалитров напитков крепостью выше 28 градусов. При этом в России было произведено всего 125 миллионов декалитров. Ежемесячные потери бюджета от контрабанды и подпольного производства спиртного составили в среднем около двух триллионов рублей в месяц.

Из докладной записки Министерства экономики Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину

Пролог

Мужчина с физиономией, походившей на морду откормленного ротвейлера, ворочая тяжелой нижней челюстью, перемалывал комок жевательной резинки размером почти с шарик для настольного тенниса. Локоть его правой руки опирался на хромированную дугу, защищавшую радиатор темно-синего джипа «Чероки». Навалившись всей девяностокилограммовой массой на передок машины, он левой рукой тербил ремень новой кобуры пистолета, прикрывшегося под мышкой. Твердая, еще не примявшаяся кожа немилосердно впивалась в тело, но вышколенный охранник терпел. С минуты на минуту должен был подъехать босс, а он не любил расхлябанности. Единственную вольность, которую позволил себе охранник, это расстегнуть три верхние пуговицы черного длиннопалого пальто.

Белоснежный двухмоторный красавец «Челленджер», летательный аппарат, созданный для деловых людей, умеющих ценить скорость и комфорт, вынырнул из стальной глубины утреннего неба и приземлился точно в соответствии с графиком прибытия. Пилот из самолета не выходил, лишь справил малую нужду прямо со ступенек откинутого трапа. Облегчившись, он «зашил» в кабину, напоминая о себе вылетающими наружу окурками сигарет.

– Макс! – Из приоткрытой двери джипа выглянул блондин с гладко зачесанными, смазанными гелем волосами. – Нервничает фашист! Может, ему кофе отнести? Зябко. Замерз немец. – В подтверждение своих слов блондин шмыгнул носом, хотя в прогретом салоне автомобиля промозглая сырость мартовского утра не ощущалась.

Старший группы кончиком языка затолкал комок жвачки за щеку, отчего та вздулась, точно ее разнес флюс. Не меняя расслабленной позы, Макс повернул шею, туго обхваченную воротничком рубашки. Окинув взглядом самолет, стоявший в двухстах метрах позади джипа, он процедил одними губами:

– Пилот не немец. Он – австриец. – Широко зевнув на выдохе, старший группы добавил: – Насчет кормежки шеф указаний не давал. Самолет мы встретили, связь с авиадиспетчерами проверили, дозаправку организовали. Кофе... – он недовольно хмыкнул. – Пускай у себя в Вене отливает, хамло.

У Макса, ответственного за встречу самолета, было отвратительное настроение. Парни из внутренней службы безопасности фирмы, занимающиеся слежкой за сотрудниками, сообщали, что белобрысого бойца его команды стали слишком часто видеть в ночных клубах, где собираются гомосексуалисты. С кем крутить любовь, было личным делом блондина, но Макса угораздило несколько раз переспать с его женой, худосочной, помешанной на сексе бабой. Как назло, после полученной информации Макс ощутил неприятные симптомы внизу живота. Его нижнее белье в последнее время было постоянно влажным. Этим утром он решил не оттягивать визит к венерологу и сдать пробу крови на СПИД. Последнего он страшился больше всего. Только от одной мысли об этой гадости у него появился металлический привкус во рту.

Запустив руку в карман пальто, Макс достал миниатюрную рацию и связался со второй машиной, оставшейся у въезда на аэродром.

– Ребята, босс на горизонте не появился?

Рация хрипло булькнула:

– Глухо, Макс! Трасса чистая.

Старший переключил кнопку приема.

– Смотрите в оба. Не спите! Если шефа проморгаете, я вашей троице пистоны повставлю! – мрачно пообещал он.

Налетевший порыв ветра заставил Макса поежиться и поднять воротник пальто. Садиться в машину рядом с белобрысым ему не хотелось. Ожидание на пустынной бетонке бывшего запасного военного аэродрома, перекупленного для своих нужд денежными тузами, становилось нестерпимым.

«Поскорее бы сплавить шефа, – подумал Макс, расчесывая зудящую кожу под ремнями кобуры. – Почему сегодня мне так паршиво?!»

Продолжить размышления ему не удалось. Со стороны поля, простиравшегося от полуразобранного забора аэродрома до гряды низких холмов, донесся тарахтящий звук. Макс выпрямился, разглядывая раскисшую от воды грунтовую дорогу, огибающую поле. На ней никого не было. Зато напрямик по полю на полном газу шуровал гусеничный трактор. Сзади желтой кабины задраным гребнем торчали пластины лемеха поднятого плуга. Труба очередными источала струи дыма отработанной солярки. Из-под траков во все стороны вылетали комья грязи. Бесшабашный тракторист явно намеревался сократить свой путь, проехав через линию бетона стартовой полосы.

Бетонка, построенная для широкофюзеляжных «транспортников», обслуживающих полки Тульской воздушно-десантной дивизии, утратив статус военного объекта, подверглась немедленному разграблению. Практичные жители близлежащих сел первым делом сперли здорovuющие куски металлической сетки, уничтожив ограждение аэродрома. До кабеля системы сигнальных огней они еще не успели докопаться, а сами фонари, ни к чему не пригодные в хозяйстве, крестьян мало интересовали. Новых хозяев аэродрома местные пока не очень опасались.

– Во прет пахарь! – Прилизанный блондин, держа в руке крышку от термоса с очередной порцией кофе, вылез из джипа.

Вслед за ним из прокуренного салона автомобиля выбрался третий – гренадерского роста, одежда на нем, казалось, трещит по швам. По комплекции он превосходил остальных двоих. Вытянув мясистый указательный палец, верзила нацелил его на приближающийся к кромке бетонки трактор.

– ...Бац! – шлепнул он губами, имитируя расстрел наглеца, кромсавшего гусеницами чужую территорию.

В уголках рта увлекшегося бычеподобного охранника закипала слюна.

Нахальный тракторист, видимо, рассмотрел сквозь заляпанное грязью стекло группу крутых мужиков у джипа с хромированным «отбойником», повернул налево, чтобы не оказаться в опасной близости с городскими фраерами. Вираз он совершил не спеша, с достоинством, как бы говоря: «Клал я на вас с прибором...» Теперь желтая коробочка на гусеницах неторопливо ползла вдоль бетонки.

Блондин удовлетворенно осклабился:

– Сыграло очко у пахаря...

Лающий бас старшего оборвал его:

– Догони, Артур, мужика и объясни, что он вторгся на частную территорию. Доходчиво объясни! – Желваки играли на скулах Макса.

Смерив взглядом расстояние, белобрысы попросил:

– Давай подъедем. До селянина метров триста пилить. Неохота ботинки пачкать. Новяк! Двести пятьдесят «гринов» отвалил!

Лужицы осколками тусклых зеркал блестели на плитах.

– Бегом! – рывкнул старший группы, встряхнув блондина за шиворот. – Разомнись, гондон!

Как правило, Макс не употреблял крепких выражений, полагая, что ему, сотруднику международной корпорации, не пристало опускаться до уровня уголовных сявок. Но настроение было хуже некуда, шеф запаздывал, а на рожу Артура он смотреть не мог.

Только от предположения, что этот хлюст развлекался с педиками, которые, по мнению Макса, поголовно были наркоманами и спидоносцами, желудок подкатывал к горлу.

– Вперед, Артурчик! – поддержал старшего бычеобразный здоровяк.

Блондин рысью бросился к неспешно ползущему трактору, шепча проклятия в адрес озверевшего начальника. Догнав, вскочил на подножку и по пояс скрылся в кабине.

– Садись за руль! – приказал здоровяку начальник группы. – Эта моль час переговоры вести будет. Сейчас босс нагрянет, а у стартовой полосы посторонние. Заводи...

Между тем беседа с сельским жителем приобретала драматические формы.

Сев за руль и берясь за ключ зажигания, здоровяк на секунду поднял глаза и тут же взорвался хохотом:

– Гля, что делается! – Он ногтем побарабанил по лобовому стеклу.

Из-за расстояния и заляпанных грязью стекол кабины трактора разглядеть, что происходит внутри, было невозможно, но по дрыгающимся ногам блондина, теряющего точку опоры, и ходившей ходуном заднице можно было сообразить – конфликт уладить не удалось.

– Морды друг другу чистят! – ухмыльнулся Макс. Он посмотрел на наручные часы. – Без пяти восемь... Подожди... пара минут у нас в запасе есть. Проверим, чего Артурчик стоит. – Гримаса злорадного любопытства исказила его лицо.

Между тем посланный наказать нарушителя сам оказался в роли жертвы. Блондин упираясь руками в кабину, стараясь выбраться наружу, а невидимка-тракторист тянул его обратно. Тело Артура вздрагивало от ударов.

– Размочалит торец Артурчику, – меланхолично заметил битюг, хранивший невозмутимость римского патриция, наслаждающегося боем гладиаторов. – Зажал ему шею и прямой наводкой по пятаку лупит.

– Конкретный мужик! – согласился Макс. – Привык дело с навозом иметь, а Артур настоящий мешок с дерьмом. Колхозника заломать не может... – Он демонстративно харкнул, выплевывая жвачку сквозь приоткрытое окно джипа.

Словно изжеванный кусок резины, спикировал из кабины желтобокого «Т-130» и Артурчик. Он шлепнулся навзничь, распластавшись на мокрой земле, нелепо задрал кверху ноги в модных ботинках.

– Славно приложил мужичок! – не сдержал восхищения Макс. – Пушечный удар!

Тракторист, низкий коренастый детина в фуфайке нараспашку, под которой синели полосы тельника, прыгнул на землю, не спеша, вразвалочку подошел к приподнимающемуся на локтях телохранителю. На ходу он подтягивал рукава, недвусмысленно давая понять – продолжение следует.

Резкий гудок заставил парня в тельняшке обернуться. Сигнал подавал водитель темно-синего джипа.

Воспользовавшись моментом, блондин вскочил, словно подброшенный пружиной. Со склоненной головой он ринулся вперед, тараня обидчика.

Атака была внезапной и поэтому удачной. От удара в солнечное сплетение тракторист переломился надвое. Не давая ему оправиться, белообрый пнул ногой в лицо. Следующий удар был под ребра.

Парень опустил на колени, мотая головой от боли. Одной рукой он упирался в землю, второй схватился за бок.

Беря реванш над опозорившим его в глазах приятелей водителем трактора, охранник с сатанинским остервенением дубасил пытающегося подняться противника. Он бил нерасчетливо, непрофессионально, как одуревший от водки подросток. Даже верзила, утратив свою невозмутимость, фыркнул:

– Сел на коня Артурчик... Покалечит мужика. Промассировал бы ему почки, и хватит. На кой парню лицо увечить...

Белобрысый вошел в раж. Достав пистолет, он тыкал оружием в затылок прикинувшего лбом к земле тракториста. Тот пробовал приподняться, но его движения были заторможены и беспомощны.

Перехватив оружие за ствол, белобрысый рукоятку пистолета саданул жертву по виску. Парень завалился на бок, скорчившись в грязи в позе эмбриона, а блондин продолжал вонзать в обмякшее тело носки своих щегольских туфель.

Битюг посмотрел на командира группы.

– Замочит... – тихо произнес он.

– Недоносок! Я прогнать приказал, – скрипнул зубами Макс, – а он месиво устроил. Паскуда! – Его ладонь вдавила клаксон сигнала.

Непрерывная волна густого, застывшего на одной ноте звука захлестнула аэродром. Белобрысый прекратил избиение и триумфально помахал рукой. Издали его физиономия походила на клоунскую маску, в которой преобладал красный цвет.

– Трактор, трактор от полосы отгони! – приложив руки к губам, проорал командир группы, жестами давая понять, что времени для выполнения осталось мало.

Уловив, что от него требуется, белобрысый поволок потерявшего сознание парня к продолжающему чадить трактору.

– Макс, рация!

– Ага, босс прикатил... – пробормотал тот, доставая плоскую черную коробочку с короткой антенной.

Его аккуратно подстриженный отполированный ноготь вдавил кнопку приема. Мембрана рации заклокотала:

– Макс, слышишь? Какой-то психопат ворота проломил... Макс, – слова сыпались как горох, – шизик на красном «Пежо» ворота снес! Он уже на взлетной полосе... Макс, он стреляет по скатам!.. Б... выкручивай...

Связь оборвалась. Старший группы увидел, как по серой линии бетонки несется кроваво-красный автомобиль, преследуемый джипом «Тойота-Лендкрузер» с его людьми. Он онемел, и лишь сухие щелчки выстрелов вывели его из транса.

– Разворачивайся! – сдавленно прохрипел Макс, передергивая затвор пляшущего в руках пистолета.

Жалобно взвизгнули покрышки. Снопами света брызнули зажженные фары. Джип «Чероки» взял с места в карьер, торопясь перехватить красный «Пежо».

Макс мгновенно понял: «Это не полудурок. Это отчаянно смелый „профи“, и его цель – застывший на взлетной полосе самолет».

Почему он вломился на территорию аэродрома – Макса не касалось. Остановить, уничтожить врага, дать возможность боссу спокойно сесть в самолет и улететь в сытую, безмятежную Австрию – вот что было главным.

Машины сближались. Красный «Пежо» оказался зажатым в клещи. Сзади впритирку к нему мчалась «Тойота», впереди надвигался джип Макса.

– В лобешник долбани, – мычал Макс, предвкушая, как не выдержавший водитель «Пежо» свернет с бетонки, как его машину вынесет на раскисшее поле, откуда не выбраться.

Он обеими руками стискивал рифленую рукоять «беретты», безотказного итальянского пистолета.

Вдруг тело громилы, управлявшего джипом, изогнулось, словно через него пропустили ток. Машина вильнула, ее повело вправо.

– Жора, прямо! – гаркнул Макс и осекся.

Лобовое стекло джипа залила кашицеобразная масса алого цвета с примесью серого. Содержимое черепа верзилы выплеснулось на стекло с идеально круглым отверстием от пули. Агонизируя, водитель нажал педаль тормоза. Будь это не классный американский джип, а какая-либо менее устойчивая переднеприводная малолитражка, не вышел бы Макс из виража, кувыркался бы, пока не превратился в отбивную.

Вцепившись в руль, он сумел совладать с управлением, хотя «Чероки» уже оказался на поле и его несло прочь от взлетно-посадочной полосы. Локтем Макс нажал на ручку дверцы. Напрягшись, он вытолкнул мешавший ему труп верзилы. Машинально включил «дворники», стремясь очистить стекло от жуткой слизи.

Сдав назад, дрожа от напряжения, Макс вывел машину на бетонные плиты. Он чувствовал холодную ярость и нарастающий страх. Противник действовал безжалостно. Судя по продырявленной башке здоровяка, стрелком он был отменным.

Догоняя умчавшиеся автомобили, Макс шептал:

– Я достану тебя, ублюдок...

Его парни действовали неплохо. «Тойота» несколькими касательными ударами прижала машину незнакомца к левому краю бетонки, не давая ей приблизиться к самолету. Проскочив на полном ходу «Челленджер», машины мчались дальше.

Из окон «Тойоты» слабыми вспышками чиркали огоньки пистолетных выстрелов. Заднее стекло «Пежо» осыпалось мелкими кусочками. Перекошенный бампер скрежетал по каменным плитам. Машина походила на затравленного, раненого зверя, бегущего на последнем издыхании.

Но все же «Пежо» сумел оторваться, уйдя метров на сто от преследователей. Заложив крутой вираж, автомобиль развернулся, встал перпендикулярно надвигающейся «Тойоте». Дверца распахнулась.

Темноволосый мужчина вытянул руку со странным оружием, похожим на обреза, в направлении приближающейся «Тойоты». Ствол харкнул огнем.

Одновременно навскидку, со второй руки, незнакомец стрелял из пистолета, поливая свинцом закрутившийся волчком джип. Из-под его капота вырвались языки пламени. Охваченная гарью машина завалилась на бок, проскользила по каменным плитам, будто по ледяному катку, и, врезавшись в столб ограждения, совершила кульбит, перевернувшись на крышу. Грохнул взрыв. Джип с тремя членами команды Макса превратился в огненную могилу.

Но Макс успел... Хромированные дуги «отбойника» раскурочили почти всю заднюю половину «Пежо». Сойдясь в жесткой сцепке, машины двигались по инерции, неразделимые, как сиамские близнецы.

Держа пистолет на изготовку, Макс подошел к распростертому телу. Его палец, скованный судорогой, дрожал на спусковом крючке.

– Ма-а-акс... – Истеричный визг белобрысого, остававшегося вне схватки, перекрывал треск горячей «Тойоты». Артурчик бежал, обхватив руками голову.

– К самолету!.. Пилота успокой! – силовым голосом прокричал старший, потерявший в течение нескольких минут почти весь свой отряд.

И тут незнакомец, казавшийся грудой безжизненной плоти, из крайне неудобного положения совершил головокружительный прыжок-пируэт. Под него будто заложили заряд динамита, который, взорвавшись, послал его прямо к оторопевшему Макс. Перехватив кисть руки, сжимающей пистолет, нападавший вывернул ее до хруста. Оружие грохнулось наземь, и незна-

комец ногой отшвырнул его подальше. Изловчившись, Макс шарахнул ребром, жестким, как обух топора, по корпусу врага. Удар пришелся по больному месту, потому что хватка нападавшего ослабла, и его зубы скрипнули, гася стон.

Противник попался достойный. Следующий удар наткнулся на глухой блок защиты, а короткий хук в челюсть сбил Макса с ног. Охранник захлебнулся кровью и осколками собственных зубов, но сдаваться не собирался. Подсечкой он свалил незнакомца.

Двое мужчин, хрипя и задыхаясь, катались по стылому бетону. Макс чувствовал, что слабеет. Еще немного – и незнакомец доберется до его глотки, вырвет кадык...

– Где он? – срывался полустон-полукрик с губ незнакомца.

– Ар... ар... тур... – шепелявил окровавленным ртом Макс, отбиваясь от неумолимого врага. Сейчас он был готов полюбить белобрысого хорька больше всех людей на свете. Только бы тот быстрее добежал.

Меркнувшим сознанием телохранитель уловил – к звукам горящей машины, тяжелому дыханию незнакомца добавился нарастающий рокот автомобильного двигателя. Противник, сумевший перевернуть его на живот, ухватившись за ворот пальто, бил Макса лбом о бетон.

– Где он? – хрипел незнакомец.

– Оставь его! – Зычный командный голос донесся как будто с небес. – Тебе ведь нужен я!

Железный ошейник пальцев на шее Макса разомкнулся. Разлепив слипавшиеся от крови веки, телохранитель повернул голову.

Черный «Линкольн» погребальным катафалком возвышался над сражавшимися мужчинами. Водитель лимузина держал незнакомца под прицелом короткоствольного автомата. Рядом, облокотившись о крышу «Линкольна», стоял босс. Его губы кривила усмешка:

– Ну что, Святой? Ты никак не можешь покинуть нашу грешную землю?!

Часть I

Глава 1

Приложив ухо к серой бетонной стене бассейна, Юрчик вслушивался в звуки музыки. Блаженная улыбка озаряла его лицо, носок ноги машинально отбивал такт. Юрчик любил музыку.

Это подметил и врач, председательствующий в комиссии по освидетельствованию умственно неполноценных.

– Эмбицил с поразительным природным слухом, – констатировал ученый муж и с сожалением добавил: – Но Чайковским ему не стать. Клинический идиот...

Ладонью с въевшейся в поры угольной пылью Юрчик погладил шероховатую поверхность стены, оглянулся и, припадая на правую ногу, засеменил к сосне, разлапистые ветви которой веером нависали над стеклянной крышей бассейна.

Еще раз воровато оглядевшись, он сбросил рваную телогрейку, обхватил ствол руками и с обезьяньей ловкостью вскарабкался наверх. Во мраке февральской ночи он был похож на огромное насекомое, ползущее по толстой ветви старой сосны. Зависнув над крышей бассейна, Юрчик тихо рассмеялся. Сквозь покрытое конденсатом стекло он увидел веселящихся людей.

Пузатые мужики с ребячьим гиканьем ныряли с бортиков, поднимая тучи брызг. Женщины в пестрых купальниках вторили им визгливыми выкриками. Вдоль бассейна сновали официантки с подносами, заставленными бутылками и высокими стаканами. Модная мелодия гроыхала из динамиков четырех девяностоваттных колонок, заставляя стекла крыши вибрировать.

Юрчик раздвинул ветки, мешавшие ему наблюдать. Как раз в этот момент одна дама, решившая продемонстрировать стиль плавания на спине, расставив руки, опрокинулась навзничь, намереваясь лечь на воду. Ее взгляд уперся прямоком в физиономию подглядывающего. Сквозь муть стекла на фоне звездного неба и мохнатых сосновых лап она узрела ощерившееся в беззубой улыбке существо, помахавшее ей бесформенной конечностью.

От неожиданности дама ушла под воду. Вынырнув, она убедилась, что ночной монстр не исчез, а, наоборот, стал как бы еще ближе и тянет к ней свои клешни. Вопль животного ужаса потряс бассейн.

– Мальчики! Там, там... – Дама, захлебываясь водой и словами, тыкала коротким пухлым пальчиком в сторону крыши.

Она то исчезала под водой, то выныривала на поверхность. С каждым появлением дама кричала все сильнее.

Наиболее решительные мужчины побежали к выходу, другие, словно стадо испуганных тюленей, бросились в бассейн спасать тонущую женщину.

Юрчик сжался в комок, надеясь спрятаться в сосновой хвое. Он понял, сейчас произойдет что-то страшное и его будут бить. Побои были неотъемлемой частью жизни Юрчика, но привыкнуть к ним он никак не мог. У него из горла вырвался протяжный стон, переходящий в тонкое щенячье повизгивание. Пальцы еще сильнее впились в ветви, загоня чешуйки коры под ногти.

– Эй, малахольный, слезай немедленно! – Грубый голос был жесток и требователен. – Слезай, урод! Кому говорю?

От окрика Юрчик втянул голову в плечи. Твердый снежок попал ему в лицо, но боли Юрчик не почувствовал. Лишь рот наполнился соленой вязкой жидкостью – кровью из разбитых губ.

– Спускайся, придурок! Не бойся! Шампанским угостим, с девочками познакомим! – галдели внизу пьяные голоса. – Давай к нам, Тарзан!

Кто-то пояснял остальным:

– Это дебил, в котельной живет... вся грязная работа на нем... Быстрее вниз, кретин! Холодно! Сейчас из ружья пальнем, дятел паршивый!..

Скользя по стволу, Юрчик чувствовал, как грубая поверхность дерева царапает ему живот. Коснувшись ногами земли, он прошлепал разбитыми губами:

– Вот! Брюхо себе раскровенил!..

Его никто не слушал. Регочущие мужики, обступив Юрчика плотным кольцом, брезгливо притрагивались к лохмотьям полубезумного человека, отвешивали пинки и затрещины, забавляясь им, словно загнанным зверем, которого осталось добить.

– ...Настоящий Квазимодо. Ну и урод! – упражнялись они в остроумии. – Башка-то, башка лысая, как репейник! Гляди, у него протез вместо правой ноги! Ну и шустряк... дебил дебилом, а на красивых баб тянет...

Юрчик угодливо улыбался, не понимая и четверти из того, что о нем говорят, при этом не забывая опасливо коситься по сторонам, чтобы не пропустить удар. Особенно его пугал плечистый здоровяк в наспех наброшенной на голое тело дубленке. Верзила громче всех смеялся, чаще других щелкал его по лбу, говорил мудреные слова.

– Я пойду? – именно к нему обратился Юрчик. – Степаныч заругает! Уголька надобно подбросить. Степаныч выпимший нынче, дюже злой! Так я пойду? – Он искательно заглянул в глаза здоровяку.

Стоявший рядом с ним заплывший жиром низкорослый мужичок с проплешиной от уха до уха удивился:

– Смотри, Гриша! Ты хоть и голышом, а начальственный ужас внушаешь. Эта жертва пьяного зачатия не у кого-нибудь, а у тебя разрешения откланяться просит.

Тот, кого называли Гришей, довольно протянул:

– Разбирается в людях, хоть и недоносок! – И, обращаясь уже к Юрчику, притворно-ласково добавил: – Не рыпайся. Для тебя праздник только начался. – Крепко сжав ему локоть, верзила скомандовал: – Давайте, мужики, обратно. Не май месяц на дворе. А этого, – он кивнул на Юрчика, – Виктору Павловичу покажем. Пусть полюбуется, какая дичь вокруг его загородной резиденции вьется... – Рука ослабила хватку, и Юрчик осторожно освободил локоть. – Не рыпайся! – рывкнул здоровяк, хватая пленника за шиворот.

Тряхнув для острастки свою добычу два раза, он сделал подсечку под одобрительный хохот окружающих. Сбитый с ног пленный больше не совершал никаких движений, покорившись судьбе. Его, словно куль с мукой, поволокли добровольные помощники главного охотника к входу, освещенному молочным светом фонарей, где у двери стояли несколько женщин из числа обслуживающего персонала профилактория.

Дом отдыха текстильного комбината – старейшего предприятия города – располагался в дивном местечке. Сосновый бор живой изгородью окружал двухэтажный корпус гостиницы, скрывая его от любопытных глаз. Соединенный крытым переходом с бассейном корпус блистал белоснежной облицовкой стен, не испохабленных непристойными надписями или символами какой-нибудь «металлической» команды.

В начале восьмидесятых годов директор комбината расщедрился: заключил контракт с финской строительной фирмой, хорошо себя зарекомендовавшей на строительстве Олимпийской деревни в Москве. Местное начальство поддержало почин директора: мол, и мы не деревня, пусть и дальше, но Подмосковье, сердце нашей родины...

Место подбирали тщательно, под чутким надзором первого секретаря горкома партии, лично обозревшего выбранный участок.

Финны отгрохали профилакторий в рекордно короткие сроки. Покрыли крышу красной черепицей, выставили идеально ровные бордюры по бокам закатанной асфальтом подъездной дороги, соорудили сауны с изумительным жаром и сотворили еще многое другое, к чему воспитанные в спартанском духе труженицы комбината были непривыкшие. Но главной достопримечательностью дома отдыха стал бассейн под стеклянной крышей. Лежа на спине и нежась в воде, можно было созерцать ночное небо, усеянное мириадами звезд, или краски вечернего заката, как кому по вкусу.

Сауну опробовал первый секретарь со свитой избранных товарищей, затем директор опять же с главным местным партийцем, потом начальнички рангом пониже. На торжественном банкете, посвященном официальному открытию профилактория, заговорили, что наконец-то в городе появилось приличное место, где можно принять гостей и самим расслабиться на лоне природы в цивилизованных условиях.

Текстильщицы были женщинами тихими и дисциплинированными. Получив путевку в «профилак» – так сокращенно они называли якобы свой дом отдыха, – чувствовали себя на седьмом небе от счастья. Распаривая скрюченные от работы пальцы в настоящей финской сауне, отмокая в бассейне, наполненном до краев лазурной водой, они мечтали через год-другой вырвать у заводского профкома путевку и спрятаться в лесной тишине от опостылевшего грохота станков, утробного рева мужа-алкаша, ломаемого очередным похмельем, и прочих мерзостей жизни обыкновенной советской ткачихи.

Женщины постарше днем чинно прогуливались по лесным тропам, вечерами судачили, собираясь на посиделки у телевизоров. Молодежь предпочитала побеситься в бассейне и оторваться на дискотеке, устраиваемой по выходным.

Правда, заполучить путевку было сложно. Номера «Шпудек» – это было второе название профилактория, придуманное завистливыми горожанами, не имевшими никаких шансов попасть туда, – помимо работниц комбината постоянно оккупировали важные чиновники из Министерства легкой промышленности, партийные товарищи, наезжавшие даже из Москвы, прочие нужные для города люди.

Летом число ткачих сокращалось до минимума. Места в райском уголке бронировались для высоких гостей. Зимой тружениц опять запускали погреться в сауне.

Откуда взялся здесь Юрчик, никто не знал. Он сам себя именовал этим ласковым именем, был незлобив и тих. Лицо, поросшее редкой, клочками, бородкой, напоминало сморщенную репу, причем с одной стороны морщины были резче и глубже. По-своему был вежлив. Когда кто-либо давал ему подавание, стремился поцеловать руку.

На Руси издревле почитали и оберегали юродивых, признавая за ними особое право жить отличной от других жизнью и зваться божьими людьми.

Юрчик не пророчествовал, но и гадостей не делал. Раза два с ним случались эпилептические припадки, и «Скорая» увозила его в психдиспансер. Однако он всегда возвращался обратно.

Его приютил такой же горемыка, работавший кочегаром котельной и сантехником по совместительству, спившийся отставник Степаныч. Ко Дню Советской армии он облачался в военный китель с золотыми парадными погонами, отмеченными майорскими звездочками и скрещенными пушками в петлицах, надирался вдрызг, выбирал среди отдыхающих готовую слушать его пьяные излияния женщину и часами рассказывал о службе на страшном Тоцком полигоне – о первом испытании ядерного оружия, сломавшем ему жизнь и отнявшем здоровье.

– Думаешь, я пью? – пустив слезу, говорил он. – Я радионуклиды из организма вывожу! – При этом Степаныч пытался облапить собеседницу или хотя бы придвинуться поближе.

Труба котельной, уставившаяся своим прокопченным жерлом в небеса, портила общий живописный пейзаж. Ее неопрятный вид плохо сочетался с красной черепицей крыши, чистенькими стенами гостиницы и бассейна, стройными, словно выкованными из меди, стволами сосен. Сам Степаныч называл свое место работы и жительства крематорием, страшно злился, если кто-нибудь приходил к нему без приглашения, и, несмотря на запой, не допустил ни одной аварии на вверенном ему объекте.

К Юрчику он некоторое время присматривался, пуская лишь переночевать, когда наступали холода.

В один из зимних вечеров Степаныч расщедрился, угостил бродяжку коктейлем из добытого неизвестно где спирта, смешанного с пивом и четвертью дешевого плодово-ягодного вина. Заглотив адскую смесь, кочегар выбрал с колосников печи остатки прогоревшего угля, наполнил ими ведро и попросил гостя вынести шлак на улицу.

Юрчик с готовностью подхватил ведро. Его не было больше часа. Задремавший Степаныч не заметил пропажи, а уснувшего на куче теплого шлака бездомного бедолагу обнаружила сторожиха, совершавшая ночной обход. Мороз, ударивший в ту ночь, прихватил правую ногу Юрчика, оказавшуюся не на шлаке, а на стылой земле.

Хирурги в больнице консилиумов не устраивали. Оттяпали отмороженную конечность ровнехонько по щиколотку. Степаныч собственноручно выносил Юрчика из больницы.

– Будешь моим адъютантом! – буркнул он, стараясь не смотреть на забинтованную культяпку, высывающуюся из широкой штанины.

Дома, а точнее в пристройке у котельной, Степаныч выстругал самодельный протез – деревянную ступню с углублением, выложенным для удобства и комфорта куском ткани.

Юрчик был тенью кочегара, позволяя себе лишь кратковременные отлучки по вечерам. Больше всего он любил взбираться на старую сосну и любоваться сквозь стеклянную крышу купающимися людьми. Причем пол и возраст не имели для него значения.

Сначала отдыхающие пугались, жаловались администрации, а потом привыкли. Юрчик стал старожилом «Шпулек», неотъемлемой частью окружающего пейзажа, местной достопримечательностью и просто исполнительным мужичком, готовым откликнуться на зов каждого. Если бы не Степаныч, его бы просто загоняли. Но связываться с матерщинником кочегаром, козырявшим своим героическим прошлым, рисковал не каждый. Разве что здоровенные, как статуи на Выставке достижений народного хозяйства, бабищи из пищеблока могли заткнуть рот Степанычу или погрозить розовым, в половину коровьего вымени кулаком.

Пересидел Степаныч в своей берлоге скверные времена, заодно не дав юродивому подопечному сгинуть от голода.

Россия приватизировалась, лихорадочно шуршала ваучерами, вкладывая их в расплывшиеся, как поганки после дождя, инвестиционные фонды. Финансовые компании, прочие «конторы» сулили баснословные прибыли.

Степаныч наплевательски отнесся к процессу приватизации, обменяв бумажки на полноценную жидкую валюту, поспешив пропустить ее через собственный желудок.

Комбинат в это время приходил в упадок. Узбекские хлопкоробы «белое золото» решили продавать англичанам за твердую валюту; потребители задерживали оплату за полученную продукцию, энергетики требовали «отстегнуть» по счету, и так далее.

Хирел комбинат – ветшали «Шпульки». Неожиданно начала трескаться хваленая финская черепица. Она лопалась с жутким шумом, точно профилакторий попал под бомбежку вражеской авиации. Исчезли толстозадые поварахи из пищеблока. Бассейн, в котором месяцами не меняли воду, напоминал зловонное озеро – результат страшной экологической катастрофы. Зимой из-за нехватки угля некогда уютные двухместные номера стали походить на камеры пыток, где заключенных подвергали истязанию холодом.

Степаныч начал подумывать о том, чтобы пустить стоявшие в холле бильярдные столы на растопку гаснущих печей котельной. Но, как и у всего хоть мало-мальски ценного в стране, у «Шпудек» появились новые хозяева и постояльцы.

Самоуверенные мужчины с лоснящимися физиономиями и суетливо бегающими глазами стали привозить сюда своих подружек. Сильно накрашенные девицы, одетые в юбки с разрезом почти до ягодиц, непрерывно визгливо хохотали и преданно прижимались к своим слоновидным кавалерам. А те посасывали баночное пиво, вытянув губы трубочкой, точно новорожденные младенцы, и раздавали «на чай» зеленые купюры с изображением насупленных стариков в париках и без.

Любимое место отдыха тружениц сняли с баланса комбината, передав в распоряжение города. У предприятия не было средств для содержания дома отдыха. Его с готовностью принял под свою личную опеку только что избранный мэр – Петр Васильевич Хрунцалов. В своей программе он обещал отдать «Шпудки» для нужд здравоохранения. Забравшись в кресло мэра, он передумал, сделал профилакторий своей загородной резиденцией.

Партийные вечеринки не шли ни в какое сравнение с балами, закатываемыми мэром. Ни по количеству гостей, ни по объемам выпитого. Балы имели обыкновение плавно перетекать в оргии.

Степанычу поначалу нравился такой размах, тем более что и ему кое-что перепало с барского стола. Он научился отличать «Смирновку» от «Абсолюта» и армянский коньяк от французского, попробовал впервые в жизни консервированных лангустов, приняв их за плохо приготовленный частик, залитый непонятным соусом.

Новые постояльцы пришлись ему по душе простотой обращения, щедростью, склонностью к неумному потреблению спиртного. Так же быстро отставной майор в них и разочаровался.

Как-то под вечер подвыпившие друзья мэра решили поохотиться. Выйдя на балкон, они достали пневматическое ружье американского производства, навалились набитыми жратвой животами на перила и принялись палить по белкам. Лесные зверюшки были ручными. Степаныч сам кормил их с руки, именую не иначе как своими рыженькими стервочками.

Пули разносили пушистых приятельниц бывшего майора вдрызг. Кровавые ошметки падали с деревьев.

Задыхающийся от быстрого бега Юрчик влетел в кочегарку, выплевывая из себя бессвязные фразы:

– ...малышек твоих... злые они парни... спрячь Юрчика...

Степаныч отправился посмотреть, что так встревожило его подопечного, прихватив на всякий случай металлический прут, служивший ему для выемки шлака. Задумчиво прищурившись, он минут пять наблюдал за тупой бойней, устроенной друзьями мэра. Подобрал окровавленный комочек, бывший еще секунду назад непоседливым зверьком, кочегар перебросил мертвую белку с ладони на ладонь, словно она была горячей картофелиной, что-то пробурчал себе под нос и твердой походкой кадрового военного направился к гостиничным дверям.

– Твари, что же вы делаете? – С этим возгласом, взяв наперевес кочергу, Степаныч атаковал развлекающихся охотой с балкона.

Ударом приклада в лицо отставного майора уложили наземь. Четверо грузных мужиков топтали его ногами, поднимали за волосы голову теряющего сознание Степаныча, плевали ему в лицо. Устав бить, вся команда отправилась к холодильнику пропустить по банке пива и определить судьбу обнаглевшего кочегара. Кто-то изобретательный предлагал использовать его как живую мишень, кто-то попроще советовал сбросить с балкона и всем дружно помочиться на защитника животных.

– ...Юрчик! Веришь, – делился потом Степаныч, – когда волосы клочьями выпадали, когда суставы наизнанку выворачивало, я не плакал. Терпел... А тогда, на балконе, слезы сами

по себе лились. Меня, майора Советской армии, кабанье зажавшееся с дерьмом смешало! Из своих пипеток обгадить меня хотели! – Степаныч скрипел зубами, прикрывая ладонью глаза. – Холуи хрунцаловские... – Трясаясь от бессильной злобы, он глубоко затягивался дымом дешевой сигареты, исчезал в сизом облаке.

Юрчик плаксиво кривил рот, сочувствуя другу, нашептывал что-то успокаивающее, подавая наполненный до краев стакан...

– Перебирай мослами! – Мужчина в дубленке ткнул пленного кулаком между лопаток.

Юрчика вели по крытому переходу. Он посапывал носом, не отваживаясь расплакаться в голос.

Его ввели через мужскую раздевалку в бассейн.

Зал был декорирован под уголок тропического рая. Здесь стояли кадки с пальмами в человеческий рост, фикусы, сквозь зеленую листву которых проглядывали привязанные разноцветными лентами ананасы. Вдоль бассейна стояли плетеные стулья под зонтиками. Столы прогибались под батареями бутылок, рядами блюд и фужеров. На одном из них стояла клетка. Большой попугай, чье оперение переливалось всеми цветами радуги, скосил на Юрчика недружелюбно поблескивающий глаз-бусинку.

В бирюзовой воде бассейна плавали фрукты: оранжевые апельсины, зеленоватые киви, ярко-желтые бананы, розовые манго.

Среди этой роскоши Юрчик выглядел особенно нелепо и смешно. Этакая пародия на человека.

– Петр Васильевич! Поймали монстра! – загоготал здоровяк, сбрасывая с себя дубленку.

Он подвел пленника к развалившемуся в кресле с высокой спинкой хозяину и устройтелю торжества. Мэр, Петр Васильевич Хрунцалов, справлял свой сорок пятый день рождения.

– Ага! – Мэр растянул губы в улыбке. – Так это ты напугал Светика? Светуля, иди взгляни на своего поклонника. – Его живот заколыхался, точно наполненный воздухом аэростат.

Эта часть тела была у Хрунцалова поистине выдающейся. К нему более всего подходило незаслуженно забытое слово «чрево». Живот начинался почти от самых сосков груди, крутой волной ниспадая к бедрам. Жировые складки по бокам наслаивались одна на одну. Могучие ляжки не могли исправить непропорциональности. Казалось, этот человек состоит из живота, а все остальное – только дополнение.

Юрчик заворуженно смотрел на эту колышущуюся гору.

– Нравится? – уловил его взгляд Хрунцалов, похлопывая себя ладонями по чреву. – Лучше носить горб спереди, чем сзади!

Толпа гостей одобрительно захихикала. Среди них не было людей атлетического сложения. Лайкра закрытых купальников у женщин не могла скрыть излишков жира и обвисших задов. Мужчины, за исключением Гриши, были копией Хрунцалова, только помельче габаритами.

– Светюнник! Ты почему не хочешь познакомиться с мальчиком? – пьяно просюсюкал Хрунцалов.

– Петр Васильевич, – в тон ему отозвалась дама, испугавшаяся Юрчика. – Прикажете ему, пусть убирается! Это же дебил! – Букву «е» она произнесла как «э». – И у него наверняка вши.

– Так помой парня! В парилочку своди! – Мэр продолжал разыгрывать спектакль. – Ты у нас баба одинокая, разведенная. Просила меня мужика подыскать?

– Но не такого же урода?! – Та сложила губы бантиком.

– Для тебя сойдет! – грубо ответил хозяин вечеринки. – Ты мужик или нет? – вопрос адресовался Юрчику.

Бедолага, не понимая, чего от него хотят эти жующие, раскрасневшиеся от выпитого люди, нечленораздельно замычал.

Скрутив с треском пробку, Хрунцалов подал ему бутылку коньяка:

– Выпей за мое здоровье!

Юрчик послушно сделал глоток. Обжигающая жидкость комом застряла у него в горле. Он закашлялся.

– Пей еще! – потребовал мэр.

– Не-а-агу! – простонал убогий.

– Ты, мужичок, стопроцентный дебил! – укоризненно кивнул Петр Васильевич. – «Хенесси» пить не желаешь. Я себе не всегда позволить могу, а ты гугнишь! Гриша, ты бы пил на халяву «Хенесси»?

– Лакал бы! – отозвался здоровяк.

– Да, по этой части ты мастак. – Хрунцалов встал, брезгливо морща нос, приблизился к Юрчику. – Пей за мое здоровье!

Он насильно сунул горлышко хрустальной бутылки в беззубый рот Юрчика. Коньяк вытекал из уголков его рта двумя тонкими золотистыми струйками. Захлебываясь, Юрчик делал большие глотки.

– Ишь, присосался! – ухмыльнулся Хрунцалов. – Хорош! – Он вырвал бутылку изо рта Юрчика. – Для таких, как ты, сгодится пойло попроще. Подглядывать, значит, любишь? – Петр Васильевич изрядно перебрал и покачивался, точно матрос в штормовую погоду. – Понимаешь, идиотина, Светлана Васильевна опасается, что у тебя вши. Поэтому сейчас мы организуем тебе сауну. – Он громко икнул. – Дадим градусов этак сто пятьдесят, если выживешь, прополощем в бассейне. Лады? – Хрунцалов протянул руку.

Ответом ему стало скулящее подвывание убогого.

– Получишь по харе! – пообещал городской глава.

Спектакль затянулся, однако вслух возмущения никто не высказывал. Гости переминались с ноги на ногу, бочком отходили в сторону.

– Петр Васильевич, достаточно! – Молодая женщина встала между жертвой и мучителем. – Он и так природой обиженный.

Юрчик, почувствовав в ней защитницу, подался к говорившей. Она испуганно отшатнулась.

Сзади его придержал за плечи здоровяк.

– Отпустите бедолагу! – повторила просьбу женщина. В ее взгляде сквозила жалость, смешанная с брезгливым любопытством. – Петр Васильевич, он ведь на ногах не стоит.

Юрчик исподлобья рассматривал свою защитницу. Ему нравились мокрые волосы, прикрывавшие округлые плечи, темные, миндалевидной формы глаза, чуть вздернутый носик.

– Мариночка, да он любит тебя! – ревниво произнес Хрунцалов. – Глазами раздевает! – Хлопнув себя ладонями по ляжкам, мэр захохотал. – Ай да сукин сын! Пенек замшелый! Страшнее атомной войны, а туда же... Тянет на баб? – Он вытер с отвисшей нижней губы слюну. – Ладно! Возьми себе что-нибудь пожрать и выпить, – милостивым жестом хозяин праздника указал на столы. – Сегодня я угощаю! – Он продолжал играть роль хлебосольного князя, щедро одаривающего последнюю голытьбу. – И не забудь поблагодарить Марину Викторовну за заступничество.

Кто-то уже совал в дрожащие руки убогого бутылку, фрукты, нарезанную тонкими ломтиками ветчину и прочую снедь.

– Бери, бери... Не бойся! – подбодрил его Хрунцалов.

– Вот это по-христиански, Петр Васильевич! – вставил какой-то угодник.

– Набрал? – поинтересовался мэр. – Не стесняйся, захвати ананас! – Хрунцалов собственноручно затолкал его покорно стоящему Юрчику за пазуху. – А теперь шуруй отсюда!

Увижу, что опять подглядываешь, башку оторву! Гриша, покажи обратную дорогу гостю. – Нагнувшись к уху здоровяка, мэр прошептал: – Завтра этого ублюдка здесь быть не должно!

– Мое упущение, Петр Васильевич! Исправимся, – вполголоса ответил тот.

Оказавшись на улице, Юрчик почувствовал, как кружится у него голова. Он шел нетвердой походкой, прижимая к груди подарки. Сок из раздавленных фруктов струился у него между пальцев.

– Где шлялся? – встретил его Степаныч. – Ого, пайки надыбал! И бутылку выцыганил! – Он взял литровый сосуд с яркой этикеткой. – Ты никак у пузатого на дне рождения побывал? – Все внимание кочегара было сосредоточено на этикетке. – Сидел бы за печкой, поганец! Будут мне на мозги капать.

В помещении кочегарки находился гость Степаныча – сухонький дедок, исполнявший обязанности сторожа профилактория. Его вечно слезящиеся глазки широко раскрылись при виде бутылки.

– Гуляем, Степаныч! – потер руки старик.

– Не спеши, Егор. Надобно проверить водочку, – заметил хозяин кочегарки. – Видишь, питье заморское, а вдруг отравя! Намедни Васька-шофер балакал, что траванулся импортной беленькой. Заблевал всю хату, чуть копыта не откинул...

Сторож зябко передернул плечами.

– Выпить хочется, Степаныч, – признался он, не спуская глаз с бутылки. – Трубы горят!

Степаныч тряхнул бутылку.

– Навезли в Россию иностранного говна. Пьют люди что попало. Юрчик, а ты успел прилечь?

Ответа он ждать не стал. Привычным движением скрутил пробку. Принюхался. Потом достал из кармана моток медной проволоки, отломал кусок сантиметров восемь и принялся разогреть его конец на огне зажигалки.

– Ты чего делаешь? – замороженно спросил Егор, наблюдая за манипуляциями товарища.

– Глухомань безграмотная, – отозвался кочегар. – Верный способ проверить, не отравя ли.

Сторож обиделся, но виду не подал. Жажда была сильнее гордости.

Соприкоснувшись с напитком, разогретый металл зашипел. Из горлышка вырвалось облачко пара. Степаныч принюхался, широко раздувая ноздри.

– Кажись, моргом не пахнет! – удовлетворенно произнес он. – Нюхни ты, Егорка.

У сторожа нос шевелился, как хоботок навозной мухи, ползающей по сахару.

– Чуешь? – устав ждать, спросил Степаныч.

– Водочкой пахнет! – восторженно прошептал старый алкоголик.

– Трупняком не воняет? – еще раз переспросил кочегар.

– Озверел! – взвился сторож, роняя шапку на грязный пол кочегарки. – Натуральная водка, хоть и импортная. Угорел ты в своей берлоге.

Степаныч осторожно обхватил бутылку пятерней, поднес к губам и сделал большой глоток. Крякнув, он махнул свободной рукой, чтобы Егор сел.

– Дурила! – отдышавшись, объяснил кочегар. – Если пахнет моргом, значит, в бутылке метиловый спирт. Формалин. Давай придвигайся к столу поближе. У них свой праздник, у нас свой!

Обстановка кочегарки была спартанской: наспех сколоченный стол из плохо обструганных досок, три табуретки, тумбочка с болтающейся дверцей, шкаф, похожий на гроб, покрашенный ядовито-зеленой краской. Стену украшали осколок зеркала, покрытый сизой угольной пылью, и календарь с глумливо улыбающейся девицей, на которой, кроме ковбойской шляпы, ничего не было.

Из тумбочки Степаныч достал нехитрую закуску: четыре мелкие луковички величиной с грецкий орех каждая, два раздавленных яйца, сваренных вкрутую, кусок колбасы подозрительного синюшного цвета.

Рюмок у Степаныча не было. Для застолья он использовал алюминиевые кружки солдатско-лагерного образца. Разлив водку, кочегар приподнял кружку:

– Ну, понеслась душа в рай! – Бывший майор залпом проглотил отмеренную дозу.

Собутыльник произносить тостов не стал, последовал примеру хозяина.

...Светало. Робкие серые утренние сумерки сменяли черноту ночи. Серп полумесяца желтым пятном светился на небе грязно-молочного цвета. Под порывами ветра скрипели сосны. К этим звукам добавился вой, смертельно-тоскливый, леденящий душу.

Юрчик проснулся, потер глаза ладонями, покрытыми засохшей коркой фруктового сока, смешавшегося с золой. В висках у него стучали молоточки, внутренности сжигала жажда. Неугомонный Степаныч и его заставил выпить полкружки водки.

Сам хозяин кочегарки спал, забравшись на стол, скрючившись, как эмбрион в чреве матери. Его приятель, постанывающий в пьяном забытии, примостился у шкафа.

Спотыкаясь о валявшиеся на полу бутылки, Юрчик прошелся по помещению, подбросил угля в топку, пошевелил кочергой, наблюдая за сполохами пламени.

Вой повторился. К голосу, тянувшему высокие ноты, добавился еще один – низкий и надрывный.

Никаких диких животных в лесу, окружавшем профилакторий, не водилось. Бродячих собак, крутившихся возле мусорных бачков, истребили по приказу Хрунцалова.

Юрчик вышел из кочегарки. Пелена тумана окутывала дремлющий лес. Темный куб здания гостиницы размытыми контурами выделялся на фоне частокола деревьев. Поколебавшись, Юрчик шагнул вперед, и туман поглотил его...

Он брел по пустынным коридорам гостиницы, где не было ни одной живой души. Его шаги гулким эхом отдавались под сводами.

Мозг слабоумного сохранил способность делать элементарные выводы. Обследовав стоянку, на которой оставался лишь один автомобиль, Юрчик решил войти внутрь здания. Его влекло непреодолимое желание увидеть лазурную воду бассейна, опустить в нее свои руки, лицо, потрогать зеленые листья экзотических растений и посидеть в кресле с высокой спинкой.

Прокравшись по крытому переходу, удивляясь собственной смелости, Юрчик открыл дверь...

Мужская раздевалка – комната прямоугольной формы – была наполнена паром. Он клубами выходил из сауны, примыкавшей к раздевалке. В помещении, куда забрался Юрчик, было три двери. Одна, через которую он вошел, открывала вход в коридор, вторая, в левой стене, была дверью сауны, третья – напротив входной двери – закрывала душевую комнату, соединенную напрямую с бассейном.

Юрчик замахал руками, стараясь разогнать липкий горячий пар. Он напрягся, пытаясь понять, откуда вытекает эта влажная белая жара, оседающая на лице капельками пота. Привалившись к дверному косяку плечом, убогий немного постоял и затем направился к сауне, рассмотрев в горячем тумане чернеющий проем.

У людей, обделенных интеллектом, чрезвычайно развит инстинкт, сходный с чутьем животного. Таким образом природа жалеет своего пасынка, даруя взамен отнятого обостренное ощущение опасности.

Войдя в сауну, Юрчик почувствовал внутренний леденящий холод, сковывающий сердце. Холод был сильнее страха, испытанного накануне, когда здоровяк схватил Юрчика за шиворот и приготовился бить. Здесь, в этом горячем тумане, таилось нечто гораздо более жуткое.

Он повернул к выходу. Внезапно его правая рука задела что-то мягкое. Поднеся ладонь к глазам, Юрчик увидел: она красная от крови. Сдавленно крикнув, он пошатнулся. Деревяшка протеза скользнула по мокрому полу сауны. Теряя равновесие, Юрчик взмахнул руками, упал...

...Степаныча мучили видения. Такое часто случалось с ним. Шляпа ядерного взрыва набухала в мозгу, грозя разорвать голову. Силуэты солдат черными призраками обступали своего командира, протягивали покрытые язвами руки. Младший лейтенант Сергей Степанович Родичкин пробовал кричать, но песок забивал ему горло...

Вот и сейчас бывшему майору ракетных войск мерещилась чертовщина. Будто бежит он по полигону в теснящей одежде, а из земли высовываются руки заживо погребенных солдат и хватают его, чтобы уволочь под землю.

– ...Пойдем! Топи... – Юрчик тормозил кочегара.

Он размахивал растопыренной пятерней перед лицом Степаныча, облепленным луковичной шелухой и хлебными крошками.

Перекошенная страхом физиономия убогого была для Степаныча частью его пьяного кошмара.

– Скройся, падла! – с ненавистью прошипел Степаныч.

Перевернувшись на спину, он схватил полоумного за край фуфайки, размахнулся и ударил наугад кулаком. Он слышал, как коротко всхлипнул Юрчик, отлетая от стола.

«Зачем юродивого бью? Оскотинился совсем», – мелькнула мысль у кочегара, тут же теряясь в алкогольных парах. Тяжело вздохнув, Степаныч вернулся в прежнее положение, на бок.

Моноotonно гудел огонь в топке, дрожали стрелки манометров, указывая на падение давления в котлах; оранжевым мандарином сияла лампочка под прокопченным до черноты потолком кочегарки.

Забившись в угол, натянув на себя ворох тряпья, Юрчик рыдал. Он прижимал ладони к рту, впиваясь в них зубами, чтобы не закричать.

Временами Юрчик умолкал, прислушиваясь к вою, доносившемуся с улицы. Теперь он понимал, к чему эти звуки! Дрожь сотрясала его худое, немощное тело, когда в просветлевшем сознании юродивого всплывала картина окутанной паром сауны.

Глава 2

Утром подморозило. Снег схватился коркой наста, на сосновых иглах серебрился иней. Две уборщицы профилактория, работавшие тут не один год, ковыляли по тропе, выходящей между деревьями.

– Раньше начнем, раньше кончим! – Баба Вера, толстая старуха, страдающая одышкой, подбодрила свою напарницу, которую мучила зевота.

Обе женщины жили в близлежащей деревне, отделенной от «Шпулек» неширокой полосой леса. Вчера они договорились не дожидаться прихода автобуса с городскими работниками профилактория, резонно рассудив, что после грандиозной пьянки убирать придется весь день. Лучше приступить к делу спозаранку, чтобы потом не идти домой ночью. Дубликаты ключей от входных дверей они собирались взять у сторожа.

– Зря, Верка, мы подскочили в такую рань! – бурчала вечно недовольная напарница. – Они, поди, гуляют еще. Выдуть столько винища! Видела, сколько ящиков выгружали?

– Страсть как много... – вздохнула баба Вера.

– Дрыхнут по номерам со своими б... – говорящая ожесточенно сплюнула. – А тут мы заваливаемся с тряпками да ведрами помойными. Схлопочем по мордахам.

– Господь с тобой, Клава! – притворно испугалась старуха и даже перекрестилась.

– Сама знаешь, какие у Петра Васильевича приятели! – продолжала спутница бабы Веры. – Оторви да выбрось. Форменные бандиты!

Они подошли к центральному входу. Дверь была закрыта.

– Егора в кочегарке искать надо, – высказала предположение баба Вера. – Пирует наверняка со Степанычем.

– Странно, – отозвалась подруга. – Тихо тут. Ни души...

– Разъехались. Пошли за ключами в кочегарку...

– Глянь, одна машина стоит, – баба Клава дернула ее за пальто.

– Петра Васильевича автомобиль! – подтвердила баба Вера. – Ничего. Мы ему мешать не будем. Приберем бассейн, раздевалки, туалеты вымоем...

К приходу женщин тела хозяина кочегарки и его гостя продолжали пребывать в горизонтальном положении, и никакая сила не смогла бы поставить их на ноги. Дело в том, что Степаныч присовокупил к бутылке, принесенной Юрчиком, двухлитровый бидончик чистейшего медицинского спирта – свой неприкосновенный запас.

– Покойники! – Баба Вера оставила бесполезные попытки расшевелить спящих. – Налакались до смерти.

– К вечеру оклемаются, – поддакнула вторая старуха, доставая из кармана фуфайки Егора связку ключей.

– Опохмелятся и опять попадают, – горестно покачала головой напарница.

– Факт! – Бренча связкой ключей, баба Клава переступила через постанывающего в алкогольном забытии сторожа и направилась к двери кочегарки.

– Постой, Клавдия! А где Юрчик? – заметила отсутствие убогого сердобольная женщина. Она подкармливала несчастного и сейчас не забыла прихватить из дому кое-что съестное.

– Шляется твой полудурок по лесу! – отмахнулась баба Клава. – Не бойся... Прибежит! Дурак дураком, а пожрать горазд, – раздраженно добавила она.

Следы бурного пиршества виднелись всюду. Пол перехода, соединявшего бассейн с гостиницей, был усеян кожурой фруктов, смятой фольгой от шоколада и конфет, пластиковыми одноразовыми тарелками с остатками пищи. Опорожненные бутылки валялись повсюду, поблескивая стеклянными боками под светом невыключенных ламп. Ворсистые ковровые дорожки, устилавшие пол перехода, хранили на себе отпечатки грязной обуви гостей.

Оторопевшие уборщицы растерянно обозревали коридор.

– Бляха-муха! Это же надо так зас...ть! – выдавила из себя баба Клава, развязывая платок. Ногой, обутой в разношенный сапог, она отфутболила пустой стакан. – Скоты! – с пролетарской ненавистью добавила уборщица.

Ее напарница подавленно молчала, прикидывая в уме, сколько времени придется потратить, чтобы вычистить эту помойку.

– В бассейн и заходить не хочется! – наконец подала голос баба Вера. – Степаныч очнется – спустит воду... Господи, приличные люди, кажись, отдыхали, а такое учудили...

– Рожи, рожи свинские! – яростно выкрикнула напарница. – Мы нищенствуем – они жируют. Деликатесы в их глотки не лезут! Верка! Пора к коммунякам в партию записываться. Будем буржуев душить! – Она потрясла кулаком, угрожая невидимому противнику.

Ее подруга засмеялась сухим дребезжащим смешком:

– Митингуй не митингуй, а бассейн нам убирать придется. Хватай ведро, швабру, коммунистка ты моя, и вперед.

– Чушка ты дубовая! Бесчувственная совсем! – зачастила старуха, срывая злость на подруге. – Ездили на тебе всю жизнь кому не лень! Ничего, кроме тряпки да этого ведра, не видела.

Баба Вера шаркающей походкой прошла по коридору и скрылась за дверью мужской раздевалки. Вслед летело тарахтение подруги:

– ...не рвись, как ломовая лошадь. Привыкла вкалывать на других, ударница-стахановка! Тебе начальство хоть раз «спасибо» сказало? Никогда! – Голос уборщицы гулким эхом разносился по пустому коридору. – Этот боров вислобрюхий, – переключилась она на персону мэра, – со своим стадом отбесился, а мы дерьмо телегами вывозить должны! Где справедливость, я тебя спрашиваю? – Не прекращая проклинать новых хозяев жизни, баба Клава, волоча за собой швабру, побрела за напарницей, пиная попадавшие по дороге бутылки и пластиковые стаканы.

Дойти до раздевалки она не успела. Окрашенная в белый цвет дверь мелькнула перед глазами уборщицы, точно крыло огромной птицы.

Лицо подруги, появившейся на пороге раздевалки, было перекошено ужасом. Бескровные старческие губы шевелились, стараясь что-то произнести. Глаза под редкими ресницами с расширенными зрачками учащенно моргали, словно в них ударили слезоточивым газом.

– Верка, что с тобой? – сдавленным голосом спросила испуганная подруга. – Сердце схватило?

Та молчала, ловя широко раскрытым ртом воздух.

– Да хоть слово скажи! – Баба Клава поддержала шатающуюся напарницу под локоть.

– В сауне... – просипела та и осеклась.

– Чего?

– Мертвяк лежит! – Закрыв ладонями лицо, баба Вера запричитала: – Ой, божечка! Страх-то какой! – Ее голос застыл на высокой ноте.

За компанию, еще толком не понимая, что произошло, тонким фальцетом завывала баба Клава. Она оттолкнула подругу. Переваливаясь, как утка, старуха вбежала в раздевалку. Острый смрад паленого мяса, смешанный с запахом хлорки, составлял удушливую атмосферу помещения.

Прикрывая ладонью верхнюю часть лица, медленно переставляя ноги, уборщица направилась к открытой на четверть двери сауны. Войдя, она остановилась, дала глазам привыкнуть к полумраку.

Увиденное заставило старуху содрогнуться.

На еще хранивших жар камнях распласталось человеческое тело. Оно лежало желто-серой глыбой, распространяя вокруг себя зловоние. Мертвец был обнажен. Частично истлев-

шие плавки спали с его бедер. Из лопнувшего живота вывалились внутренности, похожие на клубок сытых змей.

Лицо погибшего было обезображено гримасой непереносимых страданий. Широко открытые глаза сверкали мертвенной белизной. Только края закатившихся под веки радужек темными штрихами нарушали эту жуткую белизну. Шея мертвеца, неестественно выгнутая, с лоскутами свисающей кожи, имела сине-багровый оттенок.

Погибший лежал на правом боку, из-за жара ставшем похожим на синий перезревший баклажан. Ноги покойника с толстыми, поросшими черными волосами икрами свешивались вниз, касались пятками деревянного пола. Остальная часть тела находилась на камнях жаровни.

Перила, отгораживающие парилку от жаровни, были сломаны и валялись на полу.

Задыхаясь от страха, уборщица, ведомая всеильным женским любопытством, приблизилась. Вид полубогоревшего трупа, источающего удушливый смрад, действовал замораживающе.

Сдерживая позывы тошноты, старуха сделала еще шаг. Ее нога наступила на резиновый тапок, слетевший с убитого. Не понимая, что она делает, баба Клава подняла тапок и нацепила на ногу умершего.

Кусая губы, чтобы не закричать, уборщица всмотрелась в лицо мужчины. Смерть искажила его черты, наложила свое клеймо. Но баба Клава узнала погибшего. Перед ней лежало тело Петра Васильевича Хрунцалова – хозяина города, самого влиятельного человека в этих местах, вчерашнего именинника, принимавшего поздравления от друзей.

За спиной старухи раздалось нечленораздельное мычание, напоминавшее одновременно всхлипы младенца и рычание животного. От этого звука сердце ее покатилося в бездну. Собрав остатки сил, баба Клава обернулась. Идиотски усмехаясь, растягивая губы в слюнявой улыбке, перед ней стоял Юрчик.

Он указывал пальцем на мертвеца. Его деревянный протез стучал по влажным половицам парилки.

– Спекся! Спекся... – безумно повторял Юрчик, продолжая указывать пальцем на тушу мертвого мэра.

– Дурачок! – Баба Клава, подойдя к убогому, обхватила его голову и прижала к своей груди. – Не смотри, не надо...

– Спекся! – заходился в истерическом причитании Юрчик. – Плохой дядя поджарился.

– Замолчи! – вторила старуха. – Беги отсюда!

Юродивый мотал головой, шепелявил беззубым ртом:

– Пойдем со мной! Покажу хорошую...

Следственная бригада прибыла на место происшествия с молниеносной быстротой. Сыскарей можно было понять: не каждый день находят труп мэра. Следом примчался автомобиль, набитый местными фээсбэшниками.

Весь этот служивый люд бестолково метался по коридорам, орал взвинченными голосами на рядовых милиционеров, периодически забегал в сауну посмотреть на убитого.

В том, что Хрунцалова убили, не было сомнений. Кто по своей воле уляжется на раскаленные камни?

В английском языке существует крылатое выражение, характеризующее тремя словами личность сильную и выдающуюся. На русском это определение звучит как «человек, сделавший сам себя».

Хрунцалов действительно сделал себя сам, хотя ради справедливости стоит добавить, что и смутное время, называемое демократическим преобразованием России, предоставило ему широкие возможности реализовать самые смелые планы.

Скромный пожарный инспектор, проверявший электропроводку на складах, штрафовавший завмагов и нерадивых ответственных лиц, так и продолжал бы брать мелкие взятки в виде пары палок остродефицитной сырокопченой колбасы и нескольких консервных банок с зеленым горошком или тихоокеанскими крабами, но колесо фортуны провернулось.

Дотошный начальник обнаружил перерасход бензина, отпущенного на служебную машину. Хрунцалова прижали к стенке. Он повинился, признав, что сбывал бензин налево. Начальник посоветовал нечистому на руку подчиненному написать заявление об уходе с работы по собственному желанию. Хрунцалов артачиться не стал. Уволившись, он исчез из города.

Проворовавшегося инспектора забыли. Редкие новости о Хрунцалове мало кого интересовали. До знавших его доходили смутные слухи, мол, занялся он коммерцией, мотается по стране и часто бывает на Севере.

Сколотив первоначальный капитал, Хрунцалов вернулся в родной город. Изрядно потолстевший, с загривком, наплывавшим на воротник модного пиджака цвета морской волны, поигрывая шикарнейшей кожаной визиткой, он вваливался в кабинеты директоров оптовых баз, магазинов и предприятий. Опустив грузные тела в кресло, Петр Васильевич интересовался, как идут дела, и сразу же предлагал сногшибательные сделки.

Официально он считался представителем фирмы, обслуживающей старательские артели, добывавшие золото для страны на Колыме и иных местах бескрайнего Севера.

Слово «золото» производило магическое действие на начальников всех рангов. Хрунцалов без труда выбивал нужные подписи, получал товар в кредит. Когда наступало время платить по счетам, он объяснял задержку банковской неразберихой, происками транспортников, не доставивших груз к указанному сроку, и другими обстоятельствами.

Кое-кто открыто стал называть Петра Васильевича мошенником. Вскоре им пришлось пожалеть об этом.

Первым пострадал слишком въедливый корреспондент городской газеты, опубликовавший фельетон о предприимчивом земляке и доверчивых директорах предприятий. Писака раскопал удивительные факты. Оказалось, что старатели, вкалывавшие до седьмого пота на земле, скованной вечной мерзлотой, существовали исключительно на водке. Во всяком случае, ничего, кроме беленькой, Хрунцалов туда не поставлял.

Журналиста встретили у подъезда собственного дома трое неизвестных. Они завели его в кабину лифта и катались вместе битый час. Кабина после этой прогулки напоминала цех скотобойни в конце рабочего дня.

Изувеченного парня заштопали хирурги, порекомендовав вести более спокойный образ жизни подальше от этого города. Газета напечатала извинения в связи с публикацией непроверенных сведений.

Персоной коммерсанта заинтересовались служители закона. Начальник Управления внутренних дел взял под личный контроль ход следствия по делу об избиении журналиста, заодно поручив парням из отдела по борьбе с экономическими преступлениями проверить предпринимательскую деятельность Хрунцалова.

Тучи над головой Петра Васильевича сгущались. Он и сам нехотая подставился...

Обмыв на природе, как полагается, удачную сделку с директором продторга, Хрунцалов в компании нескольких особ возвращался в город. Он сам нетвердой рукой вел новенькую «девятку» престижного цвета «мокрый асфальт» по Ленинградскому шоссе.

Как на грех, допотопный рейсовый автобус, курсировавший между деревнями и городом, заглох на трассе. Водитель с ногами влез под капот – перебирать железки, а самые бодрые пассажиры решили идти пешком. До окраины города оставалось километра два.

Растянувшись цепочкой, люди топали по обочине, когда хрунцаловские «Жигули», заложив крутой вираж, врезались в толпу.

Двое отделались переломами и сотрясением мозга третьей степени. Одна женщина погибла на месте. Ее перебросило через капот и буквально размазало по асфальту.

Прокуратура возбудила дело по факту дорожно-транспортного происшествия. Судмед-экспертиза определила наличие алкоголя в крови водителя. Свидетели в один голос твердили о вине Хрунцалова, который, выйдя из машины, едва держался на ногах.

Но сесть на скамью подсудимых Петру Васильевичу не пришлось. Результаты экспертизы суд признал недостаточно квалифицированными, замеры, произведенные гаишниками, ошибочными. Пассажиры, ехавшие в «Жигулях», заявили, что погибшая шла чуть ли не по середине проезжей части, а Хрунцалов был трезв как стеклышко.

Суд вынес оправдательный вердикт.

Через три месяца под окном дома начальника юридического управления исполкома стояли новенькие «Жигули» девятой модели. Немного погодя аналогичный автомобиль появился у председателя суда.

Хрунцалов позаботился и о семье погибшей женщины, выплатив мужу энную сумму, на которую тот пил беспробудно почти полгода. Об этом жесте в городе говорили с одобрением. Ведь Хрунцалов мог ничего и не давать вдовцу.

Постепенно Петр Васильевич приобретал популярность. Местные алкаши его просто боготворили за открытие десятка новых забегаловок в разных точках города, ветераны – за подарочные наборы к Дню Победы и на двадцать третье февраля, исполкомовские чиновники – за щедрые пожертвования в городской бюджет.

Хрунцалов становился человеком крупного масштаба.

Правда, начальник УВД продолжал копать под Петра Васильевича, складирова папки с материалами следствия в свой сейф. Хрунцалов знал о происках добросовестного мента. Он обзавелся информаторами из числа сотрудников управления. Попытка элементарного подкупа – Петр Васильевич предложил обновить автопарк управления и выделить в личное пользование начальнику слегка подержанный «Мицубиси-Паджеро» – не удалась. Мент выгнал его из кабинета, проорав:

– Органы в подачках не нуждаются!

Ветеран правоохранительной системы, износивший не один мундир, глубоко ошибался. Запросы его коллег уже давно превосходили размеры зарплаты офицера милиции.

Заместитель начальника, подобрав удобный момент, наката «телегу» на шефа, направил ее в отдел прокуратуры по надзору за следствием и правоохранительными органами.

Нагрянувшая проверка вскрыла массу недостатков в работе управления, обвинила начальника в злоупотреблении властью и наплевательском отношении к служебным обязанностям, из-за чего преступность в городе непрерывно растет, а процент раскрываемости чрезвычайно низок.

Инфаркт убил подполковника милиции прямо в кабинете. Беднягу нашли навалившимся грудью на стол с зажатой в руке таблеткой нитроглицерина. Папок в сейфе не оказалось...

За проявленную бдительность и принципиальность заместитель покойного был назначен на освободившуюся должность с повышением в звании. Подполковничью звездочку замачивали в ресторане профилактория. Банкет оплатил Хрунцалов.

Тогда-то Юрчик и мог видеть высокого, крепко сложенного мужчину, которого друзья называли Гришей, а будущий мэр вообще панибратски величал подполковника милиции Гришаней.

Капитал Хрунцалова увеличивался вне зависимости от общей экономической обстановки в стране и городе. Останавливались предприятия, увязшие в долгах как в шелках. С текстильного комбината, главного предприятия города, пачками увольняли рабочих. Народ впервые после девятьсот пятого года пошумел на центральной площади под разноцветными

знаменами и лозунгами с одинаковым требованием платить зарплату. Но люди разошлись несо-
лоно хлебавши.

Петр Васильевич, пока другие митинговали, прикупил понемногу недвижимость, вкладывая деньги в лучшие городские здания, отстроил три спиртзавода, оснастил их автономными спиртопроизводящими установками ЭКО-93. Каждый миллион, затраченный Хрунцаловым на покупку оборудования, за год принес двенадцать миллионов прибыли, и это был только учтенный налоговой инспекцией доход. Остальное, как говорится, оставалось за кадром.

Под дорожный указатель с названием города стали сворачивать «КамАЗы», тянущие за собой порожние цистерны. Обрато на трассу они выезжали, залитые под завязку спиртом, произведенным на мини-заводах Хрунцалова.

В особняк Петра Васильевича, отстроенный среди берез заповедной рощи, навевались столичные гости. Лица некоторых из них часто мелькали в телевизионных репортажах, на страницах газет. О Хрунцалове стали говорить как о человеке, имеющем влиятельных друзей и обладающем обширными связями.

– Такому мужику сам бог велел баллотироваться в мэры! – единодушно решили местные знатоки политического расклада, узнав, что Петр Васильевич выставил свою кандидатуру.

Перед выборами Хрунцалов часть принадлежащего ему имущества продал, часть переписал на подставных лиц. Вырученные средства позволили провести агитационную кампанию с русским размахом и американским шиком.

Молодежь оттягивалась на концертах заезжих знаменитостей, отработывавших под фонограмму деньги Хрунцалова.

Исполнители, чей пол не смог бы определить самый искушенный сексопатолог, носились по сцене, словно сорвавшиеся с цепи сторожевые собаки, истошно призывая голосовать за «... клевого парня, стопроцентного россиянина и человека будущего века». Сам Хрунцалов вышел на подмостки сцены в майке с надписью: «Я люблю секс и рок-н-ролл!», что вызвало взрыв восторга у восемнадцатилетних.

На заседание городской организации ветеранов Петр Васильевич прибыл в наглухо застегнутом френче полувоенного образца табачного цвета. Он с придыханием говорил об утраченном величии страны, кознях «дерьмократов» и агентов международного сионизма, об униженном положении пенсионеров. Оратора проводили аплодисментами.

Встречу с избирателями в Доме культуры текстильного комбината подпортили каверзные вопросы о коммерческой деятельности кандидата, его связях с сомнительными личностями из уголовной среды и напоминания о не совсем чистом прошлом.

Петр Васильевич не растерялся. Обложил семиэтажным матом злопыхателей, назвав их наемниками администрации комбината, доведшей предприятие до банкротства, показал с трибуны ворох бумаг, якобы полный отчет о его коммерческой деятельности, предложив каждому желающему ознакомиться, и переключился на фантастические перспективы, ожидающие город в случае его избрания на пост мэра.

Зная недоверие людей, измученных бесконечными избирательными кампаниями, к обещаниям, Петр Васильевич приказал своим помощникам облагодетельствовать каждого горожанина, кто имел право голоса, килограммом сахарного песка.

Остряки подсчитывали, сколько же самогона недополучит страна из-за щедрости Хрунцалова.

Соперники – гендиректор здешнего акционерного общества «Пирогово», школьный учитель, поддерживаемый местным отделением «Яблока», – не годились в подметки Петру Васильевичу. Они уныло талдычили о возможности фальсификации выборов, подмены избирательных бюллетеней, о грязных деньгах Хрунцалова и о его связях с криминальными элементами.

Прибитому нищетой населению города было наплевать на абстрактные рассуждения. Петр Васильевич дал им килограмм сахара, которым можно было подсластить чаек, приберечь на лето. Этот реальный, осязаемый аргумент перевешивал все слова.

Учитель сошел с дистанции после того, как его сына арестовала милиция. Пятнадцатилетнего недоросля обвинили в изнасиловании двадцативосьмилетней особы. Отца подвели к окошку двери следственного изолятора, где на нарах корчился его сын, и прозрачно намекнули:

– У вас, уважаемый, есть выбор. Или вы играете в политику, или продолжаете заниматься воспитанием сына.

Учитель выбрал второе.

Оставшийся конкурент Хрунцалова, директор акционерного общества, продолжил борьбу. Его фирму поочередно атаковали санэпидемстанция, налоговая инспекция, электронадзор, сотрудники Отдела по борьбе с экономической преступностью и, конечно же, пожарная инспекция. Любого такая карусель могла довести до сумасшествия. Директор выдержал, но его фирма развалилась.

С ожесточением человека, которому больше нечего терять, он строчил письма в избирательную комиссию Московской области, перечисляя факты фальсификации выборов. Среди них фигурировало странное единодушие солдат войсковой части, дислоцированной в городе, как по команде отдавших свои голоса за Хрунцалова, несоответствие протоколов комиссии результатам подсчета голосов по бюллетеням, избиевание милицией группы тележурналистов, снимавших ход голосования, и многое другое.

Ответ был сух и однозначен. На официальном бланке, украшенном двуглавым орлом, черным по белому было напечатано: «...избирательная комиссия Московской области не сочла возможным дать заключение о том, какие из выявленных нарушений будут служить основанием для признания выборов недействительными».

Прочитав текст, директор крепко задумался, стоит ли продолжать тяжбу с Хрунцаловым.

Накануне три типа вломились в его кабинет. Их бульдожьи физиономии были сосредоточенно угрюмыми.

– Пораскинь мозгами, фраер, – сквозь зубы порекомендовал один из них, – не тяжело ли тебе будет дышать в нашем городе? Сворачивай свой бизнес и хилий на все четыре стороны, пока ходули переставляешь!

Ночью кто-то перевернул автомобиль директора, поставив его вверх колесами. Ровно через неделю, свернув предприятие, конкурент Хрунцалова уехал из города.

Победу на выборах Петр Васильевич отметил среди соснового бора, арендовав ресторан «Шпук». Приятели-военные устроили фейерверк из осветительных ракет. Григорий обеспечил охрану, стянув к профилакторию дюжину патрульных машин, об остальном позаботились новые подчиненные Хрунцалова – бывшие исполкомовские работники, переименованные на новый лад служащими мэрии...

Старший следователь капитан милиции Баранов надиктовывал свежее испеченному выпускнику юридического факультета Кириллову текст протокола осмотра места происшествия.

Он не без внутреннего злорадства наблюдал, как прыгает ручка в нервно подрагивающих пальцах начинающего сыщика.

– Дыши глубже, Славик! – нарочито бодрым голосом произнес капитан. – Твое первое значительное дело – и сразу такая фигура. – Он картинным жестом указал на труп Хрунцалова. – Прославишься. В газетах о тебе напишут, – издевался Баранов, стараясь отвлечь самого себя от мрачных мыслей.

«Если дело у меня не заберут – хана! Повесят всех собак на Баранова, сделают козлом отпущения, – оценивал шансы капитан. – Однако Хрунцалов чепухой не занимался и на мелочи

не разменивался. Кому-то крутому не в масть лег. Раз так отделали, значит, серьезная каша заварилась, и тебе, Баранов, ее расхлебывать выпало. Как бы самому не захлебнуться».

– Налюбовался, студент? – он зло окликнул остолбеневшего парня, который не мог отвести глаз от голой туши покойного.

– Я что? Я ничего, – проямлил тот.

– Пиши! Протокол осмотра места происшествия от такого-то числа... Какое, кстати, у нас с утра?

– Пятнадцатое февраля.

– Пятнадцатое... – задумчиво повторил капитан, комкая сигаретную пачку, – будь оно неладно!

– Не слышу, Марк Игнатьевич.

– Это я не тебе! – повысил голос капитан. – Давай дальше, Славик... – Он набрал в грудь воздуха: – Старший следователь следственного отделения Управления внутренних дел капитан милиции Баранов Марк Игнатьевич на основании сообщения дежурного по УВД об обнаружении трупа с участием эксперта-криминалиста лейтенанта милиции Хотимова Алексея Васильевича, старшего инспектора уголовного розыска Липина Валентина Ивановича... Успеваешь? – спросил капитан, затягиваясь сигаретой.

– Успеваю, – откликнулся стажер.

– ...в присутствии понятых... – продолжал Баранов. – Поставь двоеточие, – приказал он. – Мать! Как фамилия?

Вопрос адресовался бабе Клаве, сидевшей в раздевалке, привалясь спиной к шкафу. Именно она вызвала милицию.

– Чья? – старуха попыталась подняться. – Моя?

– Сиди, мамаша! – остановил ее Баранов. – Твоя, конечно! Свою я знаю.

– Фролова...

– Имя, отчество?

– Клавдия Демьяновна... – уборщица, обретшая в присутствии милиции утраченную смелость, хотела помочь следствию. – Я, сынок, как увидела этого бедолагу, сразу к вам звонить. А Верке, товарке своей, строго-настрого наказала никого в парилку не пущать и самой там не шоркаться!

– Молодец, бабуля! – сдержанно похвалил старуху Баранов. – Адресок назови свой.

Баба Клава насторожилась:

– Зачем?

– Положено! – строго произнес капитан. – Для протокола.

– Ну, ежели для протокола... Село Красная Горка, улица Молодежная, дом три.

Капитан подошел к женщине:

– Бабка, ты меня не дури. В вашем селе домов раз, два и обчелся... Какая, к черту, Молодежная?

– Верно, домишек у нас немного, – жалостливо протянула старуха и с неожиданно прорезавшейся гордостью добавила: – А улицы остались! Еще довоенные названия. С тридцатых годов, почитай, ничего не меняли.

Баранов устало махнул рукой:

– Пиши, Славик, как мамаша говорит. Молодежная так Молодежная. Год рождения, бабуленция, помнишь?

– Одна тысяча девятьсот восемнадцатый, – отчетливо произнесла баба Клава.

– Хорошо сохранилась! – плоско пошутил капитан. – Все записал?

– Дословно, – откликнулся Кириллов.

– Давай, Клавдия Демьяновна, веди подружку. Она у нас второй понятой будет.

– Худо Верке! – жалобно произнесла старуха. – Сердце схватило. Она мертвяков с детства боится. Я Веркину биографию всю знаю. Сызмальства вместе. Могу изложить, – баба Клава просительно заглянула капитану в глаза. – Ты, голубок, не тревожь ее. Пусть полежит.

Баранов поморщился:

– Живых, мать, бояться следует. Мертвые не кусаются...

– Вам виднее, – покорно согласилась старуха. – Вы к этому делу привыкшие.

– Ладно. Говори данные своей подруги, – сказал капитан.

– Белова Вера Павловна. Двадцать первого года рождения. Проживает по адресу: село Красная Горка, улица Пролетарская, дом пять, – отчеканила баба Клава.

– Прямо заповедник коммунистический у вас, а не село! – съязвил Баранов. – Молодежная, Пролетарская... На экскурсии школьников скоро привозить станут. Музей под открытым небом!

– Приезжай, соколик, приезжай, – приторно-ласковым голосом произнесла старуха. Ей стало невтерпеж вдыхать смрадный запах паленой человечины. – Я пойду?

– Сиди, старая! – грубо осадил ее капитан. – Подремли в тепле. Так, Славик, пиши дальше... – Он сделал несколько шагов по раздевалке, остановился возле двери сауны, посмотрел на труп, словно надеялся, что тот исчезнет, как фантом, плод расстроенного воображения, – ...руководствуясь соответствующей статьей Уголовного кодекса, произвел осмотр места происшествия в здании профилактория текстильного комбината, расположенного в лесном массиве «Прилуки», а также прилегающей к нему территории, о чем составлен настоящий протокол. – Баранов сделал паузу, чтобы закурить очередную сигарету. – С красной строки... Перед началом осмотра, – продолжал надиктовывать капитан, – понятыми Беловой В. П. и Фроловой К. Д. в соответствии со статьей Уголовного кодекса Российской Федерации разъяснена их обязанность удостоверить факт, содержание действий, при производстве которых они присутствуют...

– Помедленнее! – попросил Кириллов, доставая новый лист бумаги из синей коленкоревой папки.

– Учись стенографировать! – буркнул капитан. – Понятые вправе делать замечания по поводу произведенных действий. Их замечания подлежат занесению в протокол. Обязанности им разъяснены. – Баранов предупредил: – Оставь место для подписей и ниже допиши: специалисту Хотимову А. В. разъяснены права и обязанности, предусмотренные Уголовным кодексом, и он предупрежден об ответственности за отказ или уклонение от выполнения обязанностей специалиста.

Эксперт-криминалист, мужчина лет тридцати пяти, обрабатывающий помещение сауны, услышав стандартное предложение, обязательно вносимое в текст протокола, под которым он подписывался десятки раз, выдал свою традиционную тираду:

– Градус уклонения зависит от количества налитого... Марк! Тут ничего не найдем. Никаких отпечатков. Слишком высокая влажность.

Баранов хмуро поторопил:

– Пошуруди, Саша, внимательнее. Сейчас Гришка примчится, дружка как-никак завалили!

Криминалист зачем-то потрогал желтую пятку трупа:

– Отгулял свое Петр Васильевич! – И уважительно добавил, созерцая сизый клубок вывалившихся внутренностей: – В теле мужик был! Пудиков восемь потянет! – Натянув резиновые перчатки, Хотимов осторожно повернул голову убитого. У левой ноздри багровым пятном светилось отверстие. – А вот и раневой канал... – вращая голову Хрунцалова, криминалист искал, где пуля вышла наружу.

– Оставь его! – прикрикнул капитан. – Патологоанатомы разберутся. Осмотри парилку еще раз.

– Тут уж и осматривать нечего, – ответил Хотимов, пряча резиновые тапки убитого в пластиковый пакет. – Зови фотографа, пусть запечатлеет усопшего, – произнес он, давая понять, что его миссия закончена.

Баранов сделал вид, будто не слышит криминалиста, вернувшись к диктовке протокола:

– Осмотром установлено... Двоеточие... Сауна находится в здании бассейна, представляет собой прямоугольное помещение размером... Хотимов, ты снял размеры?

– Четыре тридцать семь на два сорок восемь, – доложил криминалист.

– Стены помещения обшиты плотно пригнанной вагонкой, в правом от входа углу расположен электрический тент с каменной горкой в верхней его части. Тент огорожен барьером высотой...

– Метр тридцать, – подсказал Хотимов.

– Метр тридцать... – повторил Баранов. – Заднюю стену сауны занимает четырехъярусный полук.

Вспышки фотокамеры озарили помещение. В ярком молочном свете труп выглядел особенно жутко. Он казался призраком из потустороннего мира, по чьей-то странной прихоти оказавшимся на земле.

Следственная бригада трудилась вовсю, когда приехал подполковник Ветров – начальник УВД. «Волга» с проблесковым маячком на крыше подлетела к самым ступеням центрального входа, уткнувшись бампером в бетон.

Ветров еще не пришел в себя после вчерашнего банкета. Темные мешки под глазами с нездоровой желтизной, густой перегар изо рта, неуверенная походка были следствием праздничного возлияния.

– Где? – проревел Ветров, вывалившись из машины.

Мальчишка-милиционер, охранявший вход, взял под козырек.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – он щегольски прицелкнул каблуками.

– Где Хрунцалов? – астматически задыхаясь, орал начальник, дергая дверь на себя.

Она не поддавалась.

– От себя толкайте, – робко посоветовал мальчишка, не решаясь приблизиться к разъяренному подполковнику.

Облачение Ветрова походило скорее на маскарадный костюм, чем на форму какого-то важного чиновника – главы местной правоохранительной конторы. Наброшенная на плечи шинель прикрывала пеструю спортивную куртку, из-под которой предательски торчала вылезшая из брюк мятая майка.

Ветров не владел собой. От сурового блюстителя порядка, привыкшего цедить сквозь зубы приказы, ничего не осталось. Вместо него был выворачиваемый наизнанку страхом человек с подполковничьими звездами на погонах. Но привычка рычать въелась в нутро начальника УВД.

– Сержант! Советы здесь даю я! – брызнул слюной в лицо молодому милиционеру Ветров. – Открой дверь, мать твою... – он притопнул ногой, как расшалившийся ребенок.

Григорий Константинович Ветров был многим обязан покойному мэру. Собственно говоря, их можно было бы сравнить с двумя альпинистами, покоряющими заоблачную вершину в одной связке. Иногда тоскливыми осенними вечерами Ветрову становилось не по себе при мысли, как высоко он взлетел и какими делами ворочает.

Должность, звание – это ерунда. Пенсия, третья звезда на погоны отнюдь не были пределом мечтаний Григория Константиновича. Ему грезились другие горизонты, на которых вырисовывалась белоснежная вилла под калифорнийскими пальмами, желтокожий повар-китаец, сверкающий «Линкольн» и ласковые пальчики голливудской красотки на тонкой ножке высокого бокала с «Реми-Мартин».

Подполковник к числу немощных романтиков не относился, неосуществимыми проектами не занимался. Он был сугубо практичным, расчетливым человеком. Сотрудничество с Хрунцаловым имело конкретное материальное воплощение – тугие бумажные брикеты, опоясанные банковскими ленточками. Эти кирпичики складировались в секретный сейф Ветрова, вмонтированный в стену квартиры, купленной и оформленной на подставное лицо.

О существовании московской квартиры знал только Хрунцалов. Не реже двух раз в неделю подполковник наезжал в столицу проверить свое хранилище и поразмышлять на досуге, не припела ли пора сворачивать бизнес и сделать ручкой этой долбаной стране, коллегам-милиционерам, осатаневшему от водки и нищеты народу.

Пока Хрунцалов был жив, о том, чтобы уехать из страны, не стоило и заикаться. Ветров понимал: он – деталь хорошо отлаженного, работающего механизма, пусть значительная, но все-таки деталь, и уйти с определенного ему места не позволят. А сердце этого механизма, основная пружина, приводящая его в движение, – Петр Васильевич Хрунцалов.

Смерть мэра угрожала расстроить отлаженный механизм, превратить его в грудку хлама. Но самое главное – она ставила под вопрос личную безопасность подполковника Ветрова, а он очень любил жизнь и свободу...

– Баранов! – Григорий Константинович, массируя ладонью сердце, рассматривал изуверенный труп друга. – План места происшествия сняли?

– Составляем, товарищ подполковник. – Следователь принял позу привратника, встречающего господ. Он изогнулся в легком полупоклоне.

– Кошмар какой-то! – осипшим голосом произнес Ветров. – Несколько часов тому назад расстались. Такой великолепный праздничный ужин для нас закатил! – Словно оправдываясь в чем-то, он говорил сбивчиво, проглатывая окончания слов. – Мы разъехались в пятом часу. Петр Васильевич шофера отпустил. Сказал, что переночует в номере, хочет побыть один. Обслуга тоже ушла. Устали люди. Целый день готовились...

– Понятно! – поддакнул Баранов.

– Что тебе понятно? – взорвался подполковник. С синеющим от удушья лицом он изрыгал ругательства: – Городского главу угрохали, а вы ползаете, словно сонные мухи! Какие-нибудь конкретные улики обнаружили?

– Никак нет, товарищ подполковник! – спокойно отрапортовал Баранов, понимая, что разыгрывается спектакль для непосвященной публики.

В раздевалке, наплевав на правила проведения досмотра, затаптывая, возможно, имеющиеся отпечатки обуви преступника, суежились младшие милицейские чины, люди из мэрии.

– Товарищ капитан! – орал Ветров, размахивая руками. – Вы несете персональную ответственность за ход расследования! Это не простое убийство! Это политическая акция!

«Переборщил! – ухмыльнулся про себя Баранов. – Чего надрывается, не на митинге. Приберег бы, Константинович, пыл для газетчиков. Нам о другом думать надо, а не глотку рвать. Присмотрись! Дружок твой тухнет! Как бы твоя очередь не подошла бока подрумянивать!»

Внутренний монолог капитана оборвало прикосновение руки Ветрова:

– Марк! Надо переговорить.

– Понял, – кивнул Баранов.

Они миновали душевую и очутились в зале бассейна.

Утреннее февральское солнце заглядывало через стеклянную крышу. Блики играли на поверхности воды, освещая то оранжевый шар плавающего апельсина, то желтую кожуру банана.

Ветров подобрал бутылку, оставшуюся после пиршества, встряхнул ее и, жадно причмокивая, выпил остатки шампанского.

– С бодуна голова раскалывается! – пожаловался он, облизав потрескавшиеся губы. – Кто у тебя в бригаде? – спросил Ветров.

– Криминалист Хотимов... – начал перечислять Баранов. – Дотошный мужик. Вы и сами его как облупленного знаете.

– Я не о том, – раздраженно сказал Григорий Константинович. – Не юли, Баранов. На кого рассчитывать можно?

Марк Игнатьевич внутренне подобрался, сообразив, что шеф пришел в себя и намечает план дальнейших действий.

– Григорий... – капитан перешел на «ты», – и для нас паленым запахло?

– Возможно, – уклончиво ответил на тревожный вопрос Ветров. – Главное для нас – замять дело.

– Смеешься? Предлагаешь списать на несчастный случай?! – Капитан чувствовал, как ручеек пота струится между лопаток. – У Хрунцалова в башке пуля, и сам он наполовину обуглился...

– Убавь децибелы! – прошипел Ветров, сочтя голос подчиненного слишком громким. – Нам нужен козел отпущения. Подберем подозреваемого, помурыжим его, время потянем. Главное – бизнес сохранить! Согласен с выводом? – он посмотрел в глаза капитану.

– Не сможем мы без Хрунцалова, – без энтузиазма ответил тот. – Да и, если честно тебе признаться, побаиваюсь я, Григорий Константинович. Подставку я найду. Нет проблем. Но кто Васильевича уделал? Нам-то рога не отобьют?

– Не знаю, Марк, – честно признался подполковник. – Конкурентов предостаточно. Вроде бы Петр говорил о каком-то шустряке из Питера, наезжавшем на него. Кажись, фамилия Бод-гол. Но кто за ним стоит, не знаю.

– Рэкетир? – почесал затылок капитан.

– Какие рэкетирсы на Хрунцалова замахнутся?! – Интонация Ветрова выразила глубочайшее удивление наивной глупостью собеседника. – Фирмач. Председатель АО... Тьфу, – сплюнул подполковник, – до сих пор не разберусь в этих сокращениях. Напридумывали... Петр проверить фирмача приказал, по всем каналам прошупать.

Оба милиционера делали уже третий круг у бассейна. Ветров то и дело подбирал бутылки, где оставалась хоть капля спиртного. Баранов последовал его примеру, отбросив природную брезгливость. От разговора в горле у капитана першило.

– Закроем дело – себя обезопасим! – горячо убеждал Баранова подполковник, окатывая его тошнотворными волнами густого перегара. – Представь, начнут ворошить делишки Хрунцалова ребята из ФСБ или из Генеральной прокуратуры. Кончики веревочки обязательно нащупают. Потянут – и нас на свет божий извлекут. А у меня и у тебя, Марк, рыла в пуху...

– По самые... – Баранов хлопнул себя по паху.

– Вот и кумекай, кого следует к делу допускать, кого гнать в три шеи. Подбери надежных ребят! – Голос Ветрова приобретал металлический оттенок. – Чтобы язык за зубами умели держать. Стажера я от тебя заберу. Физиономия у него слишком интеллигентная. Пускай попрактикуется в другом отделе.

– Не стоит, Григорий! Я парня обломаю. Нам ведь нужны новые люди, – улыбка искривила губы Баранова. – Инструкции твои я приму к сведению. Человечка нужного подберу. В крайнем случае пушу следствие на самотек. Но и ты обо мне не забывай, Григорий Константинович...

Про себя капитан прибавил: «Настриг „капусты“, тварь, а теперь задергался. Моими руками отмыться от грязи хочет».

– Прирежем довесок к твоей доле. Я, Марк, друзей никогда не обделял! – веско произнес подполковник, похлопав Баранова по плечу.

Высокий, точно колодезный журавль, милицейский старшина, обладатель длиннющих тараканьих усов, вбежал в зал бассейна.

– Товарищ подполковник! Еще одну нашли!

– Кого? – одновременно спросили следователь и подполковник.

– Бабу в номере! – забавно шевеля усами, ответил старшина, снимая шапку, словно отдавая дань уважения еще одной жертве преступления.

Лицо начальника вытянулось, приобретая пепельный оттенок.

– Я гостиничные номера осматривал, – быстро заговорил старшина, – зашел в двадцать первый, а на кровати сверток длинный, около него придурок этот сидит, песни распевает. Увидел меня – и шасть под кровать. Я его за ногу вытащил, двинул в торец, чтобы не дергался, – упоенно докладывал милиционер, не замечая, что Баранова и Ветрова вот-вот хватит кондрашка. – Дебил вырубился. Удар у меня пушечный, враз пяток зубов вылетает... Раскрутил я простыню, а там девка... – он остановился, чтобы офицеры смогли уловить захватывающий ход его решительных действий. – Остывшая уже и вся синяя. Я придурка к кровати наручниками пристегнул. Ребят позвал, пост выставил – и к вам!

Окончания речи усатого старшины ни Баранов, ни Ветров не дослушали. Оба со скоростью борзой, почуявшей зайца, метнулись к двери перехода.

Двадцать первый номер был зарезервирован для Хрунцалова. Никто другой не имел права в нем останавливаться. Апартаменты оформлял модный художник-дизайнер, приглашенный мэром из столицы. О том, сколько комбинат заплатил по счетам, выставленным московским специалистом, облагородившим интерьер номера, знала лишь главная бухгалтерша. Когда любопытные интересовались размерами суммы, у нее тут же подпрыгивало давление.

Допотопные, вечно протекавшие краны сменили сверкающие хромом американские смесители, рычащий унитаз в бурых потеках поменяли на дорогостоящее чудо испанского производства, напоминающее своими аэродинамическими очертаниями летающую тарелку. Специально для подруг Хрунцалова установили биде, на которое ходили поглазеть горничные, не привыкшие к буржуазным причудам.

Естественно, номер напичкали первоклассной бытовой техникой от экспресс-кофеварки до шикарного телевизора с огромным экраном. Окна комнат прикрывали стальные защитные жалюзи, предохраняющие уютное гнездышко Хрунцалова от воров и непрошенных гостей.

Посидеть с Петром Васильевичем в номере, побаловаться настоящим бутылочным пивом «Хайнекен» с горлышком, укутанным красивой золотистой фольгой, да под соленые арахисовые орешки позволялось доверенным лицам.

Номер состоял из двух комнат, ванной, совмещенной с туалетом, небольшой ниши в коридоре, где стояли электроплита и холодильник. Чтобы попасть в спальню, надо было пройти через зал. Плотные гардины плохо пропускали свет. Ветров, бежавший первым, зацепился за край низкого журнального столика, не разглядев его в сумраке. Падение было настолько неожиданным, что Баранов отпрянул назад, инстинктивно запустив руку в карман с пистолетом.

В спальне на широкой кровати среди сбитого в ком белья лежала молодая женщина. Нижняя половина ее тела была накрыта простыней, под голову подложена подушка. Казалось, она безмятежно спит, и только перехлестнутая удавкой шея говорила без слов – разбудить спящую никто уже не сможет.

Тонкая стальная струна петлей обвивала шею жертвы. Уйдя в кожу, она серебристой ртутной полоской проглядывала из багрового шрама, страшным ожерельем опоясывающего шею задушенной женщины.

Рядом, прикованный к дужке кровати наручниками, раскачиваясь всем туловищем, словно посаженный на цепь медведь, сидел Юрчик. Его разбитые губы выдували кровавые пузыри. Измусоленные штаны убогого были подозрительно влажными, а желтоватая лужа на светлом ковровом покрытии была весьма красноречива.

Ветров опознал убитую:

– Марина... Рогожина... Кошмар! – Он судорожно сглотнул, опустившись без сил на кровать, ставшую ложем смерти.

– Кто она? – тихо спросил Баранов.

По реакции подполковника он понял: убитая не просто «ночная бабочка», купленная для развлечений.

– Какая теперь разница? – тусклым голосом ответил Ветров.

– И все-таки, Григорий Константинович. Может, зацепимся за что-либо?

Подполковник нервно тряхнул головой.

«А у тебя, командир, печенка барахлит, – подумал Баранов. – Морда желто-серая, точно у замерзшего китайца».

– Рогожина была партнером Петра Васильевича, – гробовым голосом произнес Ветров, не сводя глаз с убитой.

– В смысле... – Капитан сделал неприличное движение бедрами.

– Деловым партнером! В первую очередь деловым. Уж затем подругой! Она заведовала отделом института... – продолжал Ветров, надвигаясь на капитана. – Усек?

Баранов отрицательно мотнул головой.

– Через Марину прокручивался товар... – Грудь подполковника уперлась в физиономию капитана, не вышедшего ростом.

– Извини, Григорий! – примирительно сказал капитан. – Я же не знал. Так, видел Рогожину в обществе Петра Васильевича. Вы же меня в подробности не посвящали. Я у вас на подхвате. – Последние слова таили скрытую обиду. – Она замужем?

– Разведенная! – Ветров опять уставился на убитую женщину. Стальная нить удавки приковывала его взгляд. – Муж – обыкновенный лох. Работал школьным учителем, потом подался в коммерцию и пролетел. Еле с долгами рассчитался... А Марина – женщина шикарная... – Он помолчал. – Была... Хваткая личность! Любому мужику фору давала. Голова шурупила, как компьютер. И тело у нее божественное... – Он глубоко вздохнул. – Вчера на празднике все самцы на нее заглядывались.

Излияния шефа поднадоели Баранову. Он не был сентиментальным и трупов видел предостаточно. Мертвецы – предмет неодушевленный, иногда дурно пахнущий, иногда уродливый, представляющий сугубо профессиональный интерес.

Душевный трепет капитан испытал только один раз.

Выпускник школы милиции получил первое задание: прибыть в многоэтажный дом, выросший недавно на окраине города, вскрыть квартиру и произвести осмотр. Дежурный зарегистрировал звонок от жильцов дома. Две недели из квартиры не появлялся их сосед, а на лестничную площадку невозможно выйти из-за вони.

– Возможно, самоубийство! – предупредили Баранова, пожелав приятной встречи.

Тогда он не понял милицейского цинизма – защитной реакции на кровь и смерть, способа побыстрее сделать сердце черствым, невосприимчивым к страданиям других.

Капитан никогда не забудет, как дрожали поджилки, когда слесарь жэка топором снимал дверь с петель, как он читал сочиненную им же молитву, умоляя господина отложить испытание...

Самоубийцу – сорокалетнего холостяка – обнаружили в наполненной водой ванне. Он пролежал достаточный срок, чтобы впечатляюще распухнуть. Несчастный вскрыл себе вены. Потом следствие установило: из жизни мужик ушел на почве неразделенной любви и осточертевшего одиночества. Открыл кран с горячей водой, брусом заточил до остроты бритвенного лезвия обычный кухонный нож и исполосовал руки.

Самоубийца неплохо знал историю. Полки в квартире были заставлены книгами о деяниях древних греков и римлян. Он избрал способ самоумерщвления римских патрициев, прогневавших императора и решивших не дожидаться казни. Горячая вода делала уход практически безболезненным. Однако она ускоряла и процесс разложения тела.

Начальник отдела, пославший Баранова, выслушав по телефону рапорт, приказал достать тело, хотя эту процедуру обычно выполняли санитары «Скорой помощи». Он ломал в Марке психологический барьер, заложенный природой страх перед мертвой плотью.

Погрузив руки в зловонную жижу, Баранов соприкоснулся с покойником, его пальцы ощупывали тело, ставшее мягким, точно гриб-гнилушка. Мертвец колыхался в воде, словно удивляясь, какого дьявола надо живым от него.

Схватив самоубийцу за волосы, Баранов потянул его на себя. Скальп чулком сполз с головы мертвеца, мохнатым мешком повиснув в трясущихся руках юного следователя.

Так и застали Баранова приехавшие санитары: столбом стоявшим в ванной комнате, тупо рассматривающим оголенный череп мертвеца.

– Отдай добычу, Чингачгук – Большой Змей! – отнял скальп привыкший ко всему санитар и сунул под нос следователю ватку, смоченную нашатырем...

Прозвище индейского вождя накрепко приклеилось к Марку Игнатьевичу, но происхождение прозвища помнили только старожилы управления. Молодежь считала: Баранов получил кличку за свирепость и хитрость – две главные черты характера старшего следователя.

С тех пор много воды утекло. Марк Игнатьевич заматерел. На трупы смотрел холодным взглядом профессионального сыщика, при необходимости мог даже голыми руками повернуть мертвеца, пусть даже превращенного в мясной фарш. Брезгливость мешала работе, была непозволительной роскошью, и Баранов от нее отказался.

Он был волевым человеком, считая, что незаслуженно обделен наградами, чинами и прочими почестями.

Злость Марк Игнатьевич срывал на подследственных, обожая вывернуть до хруста руку какому-нибудь пьянчужке, проходившему по «бытовухе». Поэтому же лично выезжал на задержания, снимая стресс неудовлетворенности безрассудным риском. Он мог броситься врукопашную, предводительствуя командой омоновцев, подняться в полный рост из укрытия, зная, что у противника есть ствол, совершить рейд по подворотням, разгоняя шпану.

Многие считали Баранова умницей и храбрецом, но еще больше сотрудников – патологическим садистом, нашедшим хорошую отдушину в следственном отделе.

Постепенно и бригаду он сколотил под стать себе. Нахрапистые, неразборчивые в средствах парни души не чаяли в Марке Игнатьевиче. Команду Баранова метко окрестили «черной сотней», а он сам называл подчиненных «эскадроном смерти», найдя столь грозное определение в газетных репортажах из стран Латинской Америки.

Заместитель прокурора по надзору над следствием и правоохранительными органами однажды пригрозил Баранову привлечением к уголовной ответственности за превышение служебных полномочий и негуманное отношение к подследственным.

Грехов за Барановым числилось предостаточно. У подполковника Ветрова следователь крепко сидел на крючке. Собственно говоря, Григорий Константинович подобрал его, когда Баранова уже хотели турнуть из органов, в соседнем городе, где он тогда трудился. Это Хрунцалов узнал о нем и приказал Ветрову присмотреться к нему поближе. Потом последовал перевод.

Подвела Марка Игнатьевича его жеребья, чрезмерная, прямо-таки нездоровая тяга к прекрасному полу.

Трудился он тогда в соседнем городе, относящемся уже к ближнему Подмосковию. Мечтал перебраться в столичный уголовный розыск, обзавестись кабинетом на Петровке. Шансы у Баранова были. Неплохие шансы.

Ко времени описываемых событий как раз начался строительный бум. Любой, имевший деньги или возможности, стремился отгрохать особняк где-нибудь среди подмосковных рощ и лесов. Виллы, называемые по привычке дачами, стали отличительным признаком высокопоставленных чиновников, стремившихся обеспечить спокойную старость.

Строили с выкрутасами: стрельчатыми готическими окнами, башенками, высокими, на западный манер, черепичными крышами. Словом, кто во что горазд. В средствах чиновный люд не стеснялся, оформляя расходы по статьям бюджета своих министерств, ведомств и контор, а затем выкупая особняки по заниженной стоимости.

Со стройплощадки такой вот дачки пропало несколько поддонов кирпича. Сторож, вдребезину пьяный, ничего не заметил, мирно проспав всю ночь на полу бытовки. Разбуженный каменщиками, которым нечем было выводить кладку, он философски заметил:

– Воровали и продолжают воровать! На том стояла, стоит и будет стоять земля русская... – и поплелся звонить в милицию.

Расследовать хищение Баранов взялся с засученными рукавами, землю носом рыл. Дачу строил не кто-нибудь, а важный чин из Генеральной прокуратуры. К самому Ильюшенко, тогдашнему главе этого сурового ведомства, впоследствии перекочевавшему на тюремные нары, этот товарищ входил без доклада, открывая, что называется, дверь ногой.

Владелец недостроенной виллы устроил разнос местному начальству, потребовав найти кирпичи в пятидневный срок. В случае невыполнения приказа он пообещал всех «отцов-командиров» отдела внутренних дел и районной прокуратуры отправить месить глину в глухомань, подальше от столицы.

Выпятив грудь, Баранов сам попросил поручить ему это тухлое дело. Товарищ из Генпрокуратуры, по-ленински прищурившись, посмотрел на сознательного сыщика, одобрительно усмехнулся и начальственным баском произнес:

– Давай, парень, дерзай!

Бросив косой взгляд в сторону местных начальников, переступающих с ноги на ногу, словно их загнали на битое стекло, туз из Генпрокуратуры добавил:

– Нам давно пора обновлять кадры...

Стоявшая рядом супруга чиновника, расфуфыренная дама неопределенного возраста, заинтересованно взглянула на Марка Игнатьевича и увидала свое отражение в его томных, подернутых влагой глазах.

Чем пленила жена высокопоставленного служителя закона скромного районного сыщика? Запахом французских духов, бриллиантовыми сережками или возможностью при ее поддержке сделать карьеру? Баранов в доверительных беседах с друзьями по-мужски откровенно признавался:

– ...нашло на меня! Как на мартовского кота... Подруга страшнее войны, зад точно передок у «КамАЗа», и фасад тремя слоями косметики прикрыт. Монстр в юбке, а вот потянуло к ней... Любовь с первого взгляда!

Супруга деятеля из Генпрокуратуры ответила взаимностью. Под разными благовидными предложениями она вырывалась из Москвы, чтобы растаять в объятиях Баранова.

Роман был бурным, но непродолжительным. Кто-то из «доброжелателей» – Баранов поздравил своего начальника – позвонил обманутому мужу и вежливо посоветовал пощупать лысину, не прорезались ли рога, которые ему наставляет искатель кирпичей.

Взбешенный ревнивец организовал засаду на влюбленную парочку. Он накрыл Марка Игнатьевича и неверную супругу в самый интимный момент, ворвавшись в домик строителей, где на дощатом полу лежала стонущая жена, а над ней, неистово пытаясь, сверкая белыми ягодицами, колыхался Баранов.

Потеряв самообладание, рогоносец выхватил табельное оружие, пистолет Макарова, намереваясь расстрелять блудливую женушку и наглого сыскаря. Ему помешали два телохранителя, отправившиеся на операцию с шефом. Пока они держали разъяренного мужа за руки, Марк Игнатьевич выскочил на улицу в чем мать родила и, пыля босыми ногами, помчался по грунтовой дороге.

Супруг любвеобильной дамы, надавав телохранителям пощечин, пристукнув кулаком жену, запрыгнул в служебный черный «Сааб» с государственными номерами и бросился вдогонку. Он гнал Марка Игнатьевича, как борзая загоняет зайца – стремительно и неотвратно. Тот, охваченный паническим страхом, не догадался свернуть с дороги, залечь в кювете. Пробежав нагишом метров восемьсот, Баранов был сбит черным «Саабом».

Маневр был совершен технично и аккуратно. Водитель сбросил скорость, ударил передним бампером под взопревший зад Марка Игнатьевича. Еще метр Баранов пахал носом дорожную грязь.

Мстительный супруг подобрал потерявшего сознание обидчика, затолкал на заднее сиденье автомобиля и привез в здание прокуратуры. Затем, не давая прикрыть срам, он выволок Баранова, провел по всем коридорам и втолкнул в кабинет районного прокурора.

– Мафия обнаглела, а вы в районе б...во развели! – прорычал столичный деятель, грохнув кулаком по столу. – Таких сотрудников выхолощивать надо! – он указал на пунцового, точно полевой мак, Марка Игнатьевича, стоявшего в позе призывника на медицинской комиссии. – Как кабанов! – товарищ из Генпрокуратуры ударил ладонью о ладонь, намекая на известный ветеринарный инструмент, которым проводится упомянутая операция...

Естественно, после залета под Баранова стали копать. Обманутый муж оказался чрезвычайно мстительным человеком, задействовавшим все свои связи и влияние, чтобы уволить Марка Игнатьевича, а при возможности сгноить на ментовской зоне.

Слухи о марафоне голышом, несчастной судьбе следователя дошли до Хрунцалова. Петр Васильевич приказал подполковнику Ветрову собрать информацию о неудачливом донжуане, присмотреться к нему поближе.

Хрунцалов умел подбирать людей.

Баранова дожимали. Его личное дело отправили в инспекцию по кадрам. Перетряхивали материалы расследований, проводимых Марком Игнатьевичем. Выискивали ошибки, натяжки, липовые доказательства, чтобы уличить Баранова в профессиональной некомпетентности, должностном подлоге и других промахах.

Судьба сыщика приобрела мрачный оттенок. Баранов висел на волоске. С тоски он по черному запил.

Марк Игнатьевич слишком любил власть над другими людьми, а работа в органах давала ему эту самую власть. Становиться простым трудягой, вкалывающим от звонка до звонка, проводя остаток времени с телевизором, он не желал, считая подобный образ жизни ниже своего достоинства и возможностей, отпущенных ему природой.

Заливая обиду горькой, Марк Игнатьевич подумывал, не перекинуться ли к братве. С его опытом, хваткой, знанием особенностей оперативной работы любая бригада примет с распростертыми объятиями.

По пьянке он кое с кем переговорил, намекнув о своем желании сменить род деятельности. Собеседник оказался платным секретным агентом Управления по борьбе с организованной преступностью Московской области. Рапорт сексота о сотруднике милиции, ищущем контакты с преступной группировкой, переправили самому высокому начальству.

Марк Игнатьевич, сам того не подозревая, балансировал на лезвии ножа.

От ложного шага его уберег подполковник Ветров...

Наведавшись по-соседски к тамошнему начальнику ОВД, Григорий Константинович, «покатив» литровую бутылку греческого коньяка на двоих, осторожно поинтересовался:

– Нудиста своего еще не уволили?

Коллега, ослотившийся от коньяка, не прожевав лимонную дольку, весело икнул:

– Баранова? Хана быку трелевочному. Будет знать, на кого можно залазить, а на кого нет. Прижали Марка к стене, по ней же и размажут! – Далее он выложил все подробности. – Нарвался Марк! – злорадно заключил собеседник Ветрова.

Детали разговора вечером Григорий Константинович изложил Баранову. Он навестил сыщика в его холостяцкой квартире, прокуренной и неухоженной.

Марк Игнатьевич блуждающим взглядом осмотрел щеголеватого подполковника, пригласил на кухню. Смахнув со стола объедки, вытер рукавом освободившееся пространство.

– С чем пожаловали? – он вопросительно уставился на гостя.

Ветров раскрыл портфель, достал бутылку водки.

– Поставь под кран. Пусть озябнет... – деловито приказал он; огляделся и презрительно фыркнул: – Ну и срач ты развел!

Ответом был жуткий скрип. Баранов поскреб пятерней заросший щетиной подбородок.

– Жизнь, подполковник, бардак! Перенести ее можно, только находясь под градусом. Вот я себя и довожу до кондиции! – он скрипнул зубами.

Его собеседник был, напротив, бодр и оптимистичен:

– Я, Баранов, забираю тебя...

– Без меня женили?! – мотнул головой Марк Игнатьевич, тяжело дыша перегаром.

– Будешь трудиться под моим чутким руководством, – невозмутимо продолжал Ветров, – и благодарить...

– За что? – не слишком вежливо вставил Баранов.

– Что вытащил тебя из грязи! – ровным голосом ответил подполковник, точными, размеренными движениями ножа расчленил батон колбасы.

Жалеть о переходе под крыло Ветрова Марку Игнатьевичу не пришлось. Очень быстро он стал старшим следователем, получил звание капитана милиции, личную благодарность министра внутренних дел за безупречную службу и раскрытие серии дерзких преступлений.

Некий субъект с богатым уголовным прошлым, вернувшись в город после отсидки, собрал десяток пацанов от шестнадцати до девятнадцати лет, запудрив им мозги лагерной романтикой и обещаниями сладкой жизни.

Вожак носил кличку Горбыль. Ребята из его бригады наехали на директора спиртового завода, коптившего небо окраины города. Глава небольшого предприятия жил с шиком: менял машины не реже одного раза в год, сорил деньгами по кабакам, периодически разводился, благородно оставляя женам квартиры. Такой фраер не мог не попасть в поле зрения Горбыля.

Богатенький директор делиться левыми доходами не пожелал, выставив визитеров вон. Оскорбленный главарь шайки пригласил наглеца на разборку. Тот проигнорировал встречу, передав, что ему начхать на уголовную «шестерку» и его щенков.

Следствие восстановило ход событий: к строптивому директору ребята Горбыля подослали несовершеннолетнюю проститутку. Пятнадцатилетний ангел с невинными глазами снял его в ресторане, угостил самокруткой, набитой анашой, а когда директор «поплыл», передал с рук на руки мальчикам.

Подолбив мужика кулаками по диафрагме, крутые парни затолкали обмякшего директора в машину и вывезли в укромное местечко – заброшенный военный городок. Там они основательно потрудились над скупердяем-директором, сделав из человека говяжью отбивную.

Судмедэкспертиза установила – телесные повреждения потерпевшего несовместимы с жизнью. За этой медицинской формулировкой скрывались страшные двусторонние переломы тазобедренного сустава, разрывы диафрагмы, прямой кишки вследствие насильственного введения постороннего предмета с острыми краями и другие травмы, перечисление которых заняло полстраницы машинописного текста.

Но перед смертью директор спиртзавода успел нашептать на ухо главарю мучителей что-то такое, от чего Горбыль посерел. Ударом ножа он прекратил страдания изувеченного мужика, приказал привязать к ногам мертвеца какую-нибудь металлическую болванку потяжелее и утопить труп.

Парни оплошали. Грузилом выбрали двадцатилитровый алюминиевый бидон, насыпали песка, а вот узел завязать как следует не сумели. Покойник всплыл через три недели.

Мэр, Петр Васильевич Хрунцалов, почтивший своим присутствием похороны директора, публично пообещал найти гнусных убийц, лишивших жизни честнейшего человека и великого труженика, отдавшего производству свои лучшие годы.

Он вытер скупую мужскую слезу, предательски скользнувшую из-под припухлых век, облобызал родственников погибшего и, скорбно склонив голову, удалился с городского кладбища.

Ветрову, вышагивающему рядом упругой походкой спортсмена, Хрунцалов тогда сказал:

– Гриша, кто здесь хозяин? Мы или эта шпана?

Подполковник невнятно промычал, точно его рот переполняла каша:

– Предпримем необходимые меры, Петр Васильевич. Убийцы известны.

Мэр развернулся к нему всей массой многопудового тела:

– Никто! Ты слышишь, Гришаня? Никто из сявок не должен открыть своей пасти. Покойный, царство ему небесное, мог сболтнуть лишнее, он много знал...

Банду Горбыля брали с пистолетной стрельбой, погонями и прочей шумихой. По просьбе Ветрова власть прислала бойцов СОБРа, бравых молодцов, затянутых в камуфляжную форму, обвешанных оружием и скрывавших лица за черными масками.

Баранов дневал и ночевал в следственном изоляторе, обрабатывая задержанных. Стоило ему зайти в камеру, как молодые подонки, еще недавно щеголявшие своей причастностью к уголовной масти, размазывали сопли, вскакивали, вытягивались в струнку, а кто не мог, отползал в дальний угол на четвереньках, подвывая от страха.

Ребятки сдали своего шефа со всеми потрохами, назвали точные адреса блатхат, любовниц Горбыля, где он мог затихариться.

Марк Игнатьевич, выполняя приказ подполковника Ветрова, старался вытянуть из них главное – что прошептал директор перед смертью, чьи фамилии он назвал и какой информацией обладает их пахан.

Осипшими от крика голосами уголовники клялись, божились – они ничего не знают!

А Горбыль ушел в глубокое подполье.

Город прочесывали патрули. Все силы правоохранительных органов были задействованы в операции «Перехват». Хрунцалов выделил из городского бюджета круглую сумму в качестве награды за поимку бандита.

Главарь словно сквозь землю провалился.

Хрунцалов рвал и метал, обкладывая начальника УВД отборными матюками.

– Я вынужден сворачивать бизнес! – орал он, плотно закрыв дверь кабинета. – Продукция не отгружается, теряются сумасшедшие бабки, а ты руки в брюки! Своими шариками в бильярд играешь! Найди эту сволочь! Что он знает?!

В поисках главаря банды помог случай. Пара не очень молодых влюбленных, подыскивая спокойное местечко, чтобы уединиться, заехала на территорию свинофермы пригородного колхоза. Розовобоких хрюш уже давно пустили под нож, ферма пустовала, разрушаясь и ветшая. Около здания, напоминавшего лагерный барак тридцатых годов, возвышалась ржавая водонапорная башня. Женщине она сразу не понравилась: может, сработала интуиция, а может, мужчина не оправдал ее надежд. Так или иначе, женщина не спускала с нее глаз, сумев на фоне заката разглядеть круглый кочан человеческой головы, высунувшейся из люка и мгновенно исчезнувшей.

Женщина оказалась бдительной, заставила любовника гнать «Москвич» на предельной скорости до первого городского телефона-автомата.

Поступивший сигнал дежурный по отделению передал Баранову с комментариями:

– Привиделось что-то бабе...

Марк Игнатьевич вставил обойму в табельный «макаров», приказал поднять по тревоге соборовцев. Не дожидаясь, пока к группе захвата присоединятся областные специалисты, бра-
вый следователь стрелой помчался к свиноферме.

Нюх, важнейшее качество сыскаря, у Баранова был.

Резервуар водонапорной башни действительно служил прибежищем затравленному, обложенному со всех сторон милицией вожаку стаи громил.

Услышав вой сирен, Горбыль, не высовываясь, выставил руку и пальнул разок наугад.

Милицейский мегафон разразился искаженным до неузнаваемости голосом Баранова:

– Эй, Соловей-разбойник, бабахнешь из хлопушки – живьем в этой консервной банке поджарим...

Бочка забухала:

– А, ментяры поганые! Замели! – Нервы у осажденного сдали. Было слышно, как он припадочно стучит кулаками по стенам башни.

Марк Игнатьевич сбросил пиджак, снял «макарова» с предохранителя, вырвал изо рта сидевшего рядом водителя сигаретный окурочок, глубоко затянулся.

– Ну, я тронулся... – со струей дыма выдохнул он, пинком открывая дверь машины.

Никто и глазом не успел моргнуть, как Баранов уже карабкался наверх, цепляясь левой рукой за приваренные к боку башни железные скобы.

Коллеги засуетились, забегали, лавируя среди машин:

– Люк под прицелом держите!

Марк Игнатьевич ловко, точно заправский альпинист, преодолел подъем, встал во весь рост наверху и ногой сдвинул крышку люка. Затем, смешно подпрыгнув, нырнул вниз.

Сердца друзей-сослуживцев екнули. Соборовцы, страхуя друг друга, гурьбой ринулись к башне.

Гулкое эхо выстрела, усиленное закрытым пространством резервуара, разлилось по округе.

Люди возле башни замерли. Развязка наступила слишком неожиданно. Вздых облегчения вырвался у многих, когда сосредоточенно-спокойная физиономия следователя выглянула из люка.

Баранов спустился на землю, сел на корточки, привалился спиной к холодному металлическому боку башни. Командир соборовцев, не снимая маски, спросил:

– Зачем так рисковать? Этот гад и так никуда бы не делся!

Следователь тыльной стороной ладони вытер серо-бурые капельки с лица.

– Мозг?! – удивленно-весело произнес Баранов, рассматривая разводы, оставшиеся на коже. – Смотри, братан, мозги из него вышиб! – Он помахал рукой перед глазами собровца. – А риск, командир, это самый кайф, и я его словил! – Марк Игнатьевич блаженно улыбнулся, став похожим на наркомана, всадившего иглу в вену с первой попытки.

Дотошные законники прокуратуры пытались осудить поступок Баранова, подвергали сомнению правомерность применения огнестрельного оружия, утверждая: бандита можно было заставить сдаться. Рты канцелярским крысам позатыкал Хрунцалов, навестивший кабинеты говорливых работников прокуратуры.

За Горбыля министр внутренних дел наградил Марка Игнатьевича благодарственной записью в личное дело и Почетной грамотой. Лист мелованной бумаги с изображением двуглавого орла над символом МВД и размашистой росписью министра был засунут в дальний ящик письменного стола. Баранов вообще хотел разорвать бесполезную бумагу, но подполковник Ветров отсоветовал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.